

I. ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Информация для цитирования:

Малько А. В., Липинский Д. А. Правовое и религиозное регулирование: взаимодействие, противоречия и ответственность субъектов общественных отношений // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2018. Вып. 39. С. 6–35. DOI: 10.17072/1995-4190-2018-39-6-35.

Malko A. V., Lipinsky D. A. *Pravovoe i religioznoe regulirovanie: vzaimodeystvie, protivorechiya i otvetstvennost' sub'ektov obshchestvennykh otnosheniy* [Legal and Religious Regulation: Interaction, Contradictions and Responsibility of the Subjects of Social Relations]. *Vestnik Permskogo Universiteta. Juridicheskie Nauki – Perm University Herald. Juridical Sciences.* 2018. Issue 39. Pp. 6–35. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2018-39-6-35.

УДК 340.1

DOI: 10.17072/1995-4190-2018-39-6-35

**ПРАВОВОЕ И РЕЛИГИОЗНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ:
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ, ПРОТИВОРЕЧИЯ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ
СУБЪЕКТОВ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ**

А. В. Малько

Доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
профессор кафедры «Конституционное
и административное право»

Тольяттинский государственный университет
445000, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14

Директор Саратовского филиала
Института государства и права РАН
410028, Россия, г. Саратов, ул. Чернышевского, 135

ResearcherID: P- 4826-2017

ORCID: 0000-0003-3204-9696

Статьи в БД «Scopus» / «Web of Science»:

DOI: 10.17150/1996-7756.2015.9 (3).447-459

DOI: 10.12737/article_58e39ece79a7d5.56302408

DOI: 10.12737/4824

E-mail: i_gp@ssla.ru

Д. А. Липинский

Доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры «Конституционное
и административное право»

Тольяттинский государственный университет
445000, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14

ResearcherID: P-3192-2017

ORCID: 0000-0003-1870-069X

Статьи в БД «Scopus» / «Web of Science»:

DOI: 10.17150/1996-7756.2015.9(1).101-110

DOI: 10.5901/mjss.2015.v6n3p613

DOI: 10.24031/2226-0781-2017-7-4-39-61

DOI: 10.17150/2500-4255.2017.11(3).520-530

E-mail: Dmitri8@yandex.ru

Введение: в статье анализируются характеристики правового и религиозного регулирования общественных отношений. Особое внимание уделяется социальной, религиозной и юридической ответственности как регуляторам общественных отношений. Проводится сравнительный анализ религиозно-православной и юридической ответственности на основе их признаков, принципов и функций. Исследуются противоречия, существующие между религиозно-православным и правовым регулированием общественных отношений. Авторы определяют социальную природу этих противоречий, анализируют действующее законодательство по проблемам существующих противоречий, а также права на свободу совести, сексуальную свободу, применения вспомогательных репродуктивных технологий в сравнении с требованиями православной религии. **Цель:** определить взаимодействие правового и религиозного регулирования на основе религиозной и юридической ответственности, выявить социальную природу противоречий между правовым и религиозно-православным регулированием общественных отношений, раскрыть причины этих противоречий, а также способы их нейтрализации. **Методология:** авторами применялся сравнительный метод, заключающийся в анализе и сопоставлении требований, содержащихся в религиозных и правовых нормах. С использованием формально-юридического метода проводился структурный анализ правовых и религиозных норм,

вычленялись их признаки и характеристики, определялось основное и второстепенное. Категории диалектики позволили авторам определить сущностные характеристики противоречий между юридическими и религиозными нормами. **Результаты:** были выявлены причины противоречий между правовым и религиозным регулированием, пути и средства их устранения, которые состоят в разработке новых моральных норм и принципов и совершенствовании действующего законодательства, приведении его в соответствие с требованиями религиозных норм, которые прочно утвердились в обществе. Авторы определили общие свойства религиозно-православной и юридической ответственности исходя из их понимания как целостного социального явления, обладающего позитивным и негативными аспектами реализации. **Выводы:** взаимодействие правового регулирования и религиозно-православного регулирования обусловлено общностью их целей, функций, результатов; также их связывает функция легитимации, которую религиозные нормы могут выполнять по отношению к правовым нормам. Религиозную и юридическую ответственность объединяют общие моральные установки, которые отражены в принципах справедливости и гуманизма, а также функции регулирования, восстановления, кары, воспитания, предупреждения и наличие общих целей. Как юридическая, так и религиозная ответственность обладают позитивным и негативным аспектом реализации. Причины противоречий между нормами религии обусловлены следующими факторами: неравномерным развитием и изменением правовых и религиозных норм, отсутствием у религиозного регулирования радикальных способов изменения существующих религиозных правил поведения; особенностями содержания самих правовых норм. Нормы религии в большей степени связаны с требованиями обязанностей и запретов, а в меньшей – дозволения. Однако демократизация общества свидетельствует о расширении сферы дозволения в правовом регулировании общественных отношений; о несовершенстве как религиозных, так и правовых норм, а также о противоречиях, существующих в общественных отношениях.

Ключевые слова: правовое регулирование; религиозно-православное регулирование; социальные отношения; система нормативного регулирования; противоречия; причины противоречий; юридическая ответственность; социальная и религиозная ответственность

LEGAL AND RELIGIOUS REGULATION: INTERACTION, CONTRADICTIONS AND RESPONSIBILITY OF THE SUBJECTS OF SOCIAL RELATIONS

A. V. Malko

Togliatti State University
14, Belorusskaya st., Togliatti, 445000, Russia
ORCID: 0000-0003-3204-9696
ResearcherID: P- 4826-2017
Articles in DB "Scopus" / "Web of Science":
DOI: 10.17150/1996-7756.2015.9(3).447-459
DOI: 10.12737/article_58e39ece79a7d5.56302408
DOI: 10.12737/4824
E-mail: i_gp@ssla.ru

D. A. Lipinsky

Togliatti State University
14, Belorusskaya st., Togliatti, 445000, Russia
ResearcherID: P-3192-2017
ORCID: 0000-0003-1870-069X
Articles in DB "Scopus" / "Web of Science":
DOI: 10.17150/1996-7756.2015.9(1).101-110
DOI: 10.5901/mjss.2015.v6n3p613
DOI: 10.24031/2226-0781-2017-7-4-39-61
E-mail: Dmitri8@yandex.ru

Introduction: the article offers an analysis of the characteristics inherent in legal and religious regulation of social relations. A special attention is given to social, religious and legal responsibilities as the social relations regulators. The authors carried out a comparative analysis of religious orthodox and legal responsibilities based on their characteristics, principles, and functions. The article explores contradictions between legal and religious orthodox regulation of social relations. The authors define the social nature of the contradictions and analyze the current legislation regarding the problems caused by them. The right to freedom of conscience, the right to sexual freedom, the application of assisted reproductive technologies are analyzed in comparison with the requirements of Orthodox religion. **Purpose:** to define the interaction between legal and religious regulation in terms of religious and legal responsibility, to identify

*the social nature of contradictions between legal and religious orthodox regulation of social relations, to reveal the reasons for the contradictions, as well as the ways to balance them. **Methods:** the authors applied the comparative method to analyze and compare the requirements which religious and legal norms contain. The formal legal method was used to carry out a structural analysis of legal and religions norms, to single out their primary and secondary characteristics. The categories of dialectics enabled the authors to identify the essential features of contradictions between legal and religious norms. **Results:** the reasons for contradictions between legal and religious regulation have been detected and the ways and means of their elimination have been defined, which involve the development of new moral norms and principles and updating the current legislation in compliance with the requirements of religious norms firmly established in society. The authors have identified the common characteristics of religious orthodox and legal responsibilities by interpreting them as an integral social phenomenon having positive and negative aspects of realization. **Conclusion:** there is an interaction between legal and religious orthodox regulation due to the common goals, functions, and results. They are also linked by the function of legitimation which religious norms can perform with regard to legal ones. Religious and legal responsibilities also share common goals and moral stances reflected in the principles of justice and humanism, as well as the functions of regulation, reestablishment, retribution, education, and prevention. There are positive and negative aspects of both legal and religious responsibilities realization. The reasons for contradictions between religious and legal norms are caused by the following factors: the uneven development and changing of legal and religious norms, the lack of radical ways to change the existing religious rules of behavior in religious regulation; peculiar features of the legal norms content. Religious norms use obligations and prohibitions to a greater extent than permissions, whereas the democratization of society indicates the extension of the permission sphere in legal regulation of social relations, as well as the imperfection of both legal and religious norms, and also the contradictions which social relations contain.*

Keywords: legal regulation; religious orthodox regulation; social relations; system of normative regulation; contradictions; reasons for contradictions; legal responsibility; social and religious responsibility

Введение

Российское общество и государство в настоящее время переживают сложный период, когда, с одной стороны, демократические процессы, расширение прав и свобод предоставляют больше возможностей гражданам для саморазвития и реализации их потребностей, но, с другой стороны, наблюдается и ряд негативных тенденций, которые за последнее десятилетие не удалось преодолеть. Так, широкое распространение получили такие негативные явления, как неисполнение обязанностей, злоупотребление правом, различные виды правонарушений, низкая правовая культура, а постоянное увеличение количества нормативных правовых актов не перерастает в качество – достижение упорядоченного состояния общественных отношений, снижение уровня преступлений и иных правонарушений. Одновременно в обществе наблюдается и духовный кризис, так как старая коммунистическая идеология перестала существовать, но новую не создали, а насильно прививаемые западные ценности оказались чуждыми российскому менталитету. В обществе существует кризис моральный и духовный, кризис общей культуры, а правовая культура, как известно, производна от нее. Не в том ли кроется

одна из причин низкой эффективности правового регулирования общественных отношений? Думается, что ответ на этот вопрос положительный. В обществе получил распространение вещизм, культ денег, восприятие человека как средства достижения тех или иных целей. Становится понятным, что в таких условиях право начинает не справляться со своей основной задачей – регулирование общественных отношений. Эффективное регулирование возможно только при одновременном воздействии на общественные отношения при помощи различных социальных регуляторов. При этом сами правовые нормы должны быть наполнены моральным содержанием, отражать общепринятые религиозные установки и соответствовать общечеловеческим ценностям. Законодателю в своей деятельности следует соотносить формулируемые им правила поведения с нормами религии и морали, сводить к минимуму возможные противоречия между нормами права и нормами религии.

Важной составляющей всей системы правового регулирования общественных отношений выступает юридическая ответственность, а ее исследование только с позиций карательной и превентивной функций уже не отвечает существующим общественным отношениям и гло-

бальным изменениям, которые произошли в мире за последние десятилетия, когда от деятельности человека зависят не только его судьба, но и будущее других поколений и выживаемость всего человечества. Поэтому социальную ответственность в целом и юридическую с религиозной в частности необходимо рассматривать как регулятор общественных отношений, прежде всего как ответственность за будущие действия и последствия. Известно, что право – это не только мера свободы, но и мера ответственности, а последняя, являясь составной частью системы регулирования, не может не выполнять регулятивную функцию. Ученым-юристам следует изменить существующие стереотипы мышления, заключающиеся в определении юридической ответственности как следствия правонарушения, а исследовать юридическую ответственность во взаимосвязи с иными видами социальной ответственности как инструмента регулирования поведения участников общественных отношений.

Достижение целей регулирования возможно только при взаимодействии юридической ответственности с ответственностью религиозной, поэтому важным направлением исследования выступает сравнение признаков и характеристик юридической и религиозной ответственности, определение их взаимосвязей и взаимодействия. Вместе с тем сам процесс правового и религиозного регулирования не является бесконфликтным и не лишен определенных противоречий, на выявление причин которых должны быть направлены усилия ученых-юристов.

О понятии правового и религиозного регулирования

Общественные отношения с момента их возникновения, который сопряжены с появлением человеческого общества, нуждаются в упорядочении и регулировании. На разных этапах функционирования оно осуществлялось при помощи различных приемов и способов, и по мере развития человеческого общества происходило только усложнение системы социального регулирования, что обусловлено сложными процессами взаимодействия человека и общества. Регулирование общественных отношений происходит посредством закрепления управомоченного и обязанного поведения, запретов, дозволений, поощрений, а социальная норма является эталоном поведения субъектов общественных отношений. По этому эталону определяется дозволенность или запрещенность тех или иных поступков, их одобряемость, поощряемость или наказуемость.

Нормативность пронизывает все сферы общественной жизни и обладает основаниями, которые находятся в самой необходимости создания общественного порядка. Субъекты общественных отношений ограничены предъявляемыми к ним требованиями. В социальных нормах указанные требования формализуются, а в психике субъектов они обретают черты внутренних побудительных мотивов. Социальные нормы являются стандартами и образцами поведения для субъектов общественных отношений, которыми они руководствуются в процессе своего взаимодействия.

На определенном этапе развития человеческого общества существующие социальные регуляторы начинают не справляться с упорядочением общественных отношений, что выступает одной из причин появления государства и права. Мы указываем, что это только одна из причин, так как предметом нашего исследования не являются проблемы возникновения государства и права.

Корпоративные, этические, религиозные, политические, моральные нормы не в состоянии упорядочить многие общественные отношения, так как для них необходим специальный регулятор – право, который имеет направленность на опосредование взаимоотношений между людьми с позиции «правомерного и неправомерного, законного и незаконного» [8, с. 14]. Суждение и утверждение о праве как о регуляторе общественных отношений стали для юридической науки аксиоматичными в трудах не только отечественных, но и зарубежных ученых [22; 39; 56].

Можно выделить признаки, которые характерны для правового регулирования: оно является разновидностью социального регулирования; в большинстве случаев это регулирование государственное либо санкционированное государством; осуществляется при помощи норм права и иных правовых средств, системно при помощи специального механизма; направлено на упорядочение общественных отношений. Указанные признаки правового регулирования с теми или иными терминологическими различиями называются в научной и учебной литературе [8; 11]. Вместе с тем право является не единственным социальным регулятором общественных отношений, наиболее эффективно их регулирование только при наличии взаимодействия различных видов социальных норм. Различные средства регулирования общественных отношений в своей совокупности образуют единый механизм. При этом одни отношения при помощи социальных норм непосредственно регулируются, а на другие оказывается косвенное воздействие. В связи с этим необходимо различать по-

нения регулирования и воздействия, учитывая то, что правовое регулирование выступает главной формой правового воздействия на общественные отношения.

Одновременно с правовым регулированием реализуется и религиозное регулирование общественных отношений. Создание состояния упорядоченности общественных отношений, предупреждение правонарушений и иных социальных отклонений, повышение правовой культуры субъектов права выступают одним из предназначений правовых и религиозных норм. Причем качественное и системное регулирование общественных отношений возможно только при условии тесного взаимодействия различных социальных регуляторов. Нормы права, не наполненные общечеловеческими ценностями, религиозным или моральным содержанием, противоречащие православным канонам, становятся «обреченными» на их непринятие, неисполнение или соблюдение только исходя из мотивов законопослушания, но не законоуважения. Мы не принижаем значения и роли иных религий в своем исследовании, но полагаем, что особое значение приобретает выявление и анализ противоречий, которые существуют между правовым и религиозно-православным регулированием. В правовой жизни религия и право обладают чертами противоречий, взаимодействия, единства, различий, т. е. находятся в сложном процессе соотношения. Следует отметить, что аналогичные процессы и характеристики существуют у правовых и иных социальных норм, что прямо отмечается как российскими, так и зарубежными учеными [15; 60].

Ученые-юристы до настоящего времени выводят понятие права, но и среди философов и теологов отсутствует единство во взглядах на понятие «религия». Само слово «религия» известно не только славянским, но и европейским языкам. В этимологических словарях отмечается, что оно было заимствовано нами и имеет латинские корни. В латинском языке слово «*religiō*» отождествлялось с совестью, набожностью, благочестием, а «*religious*» – с благочестивым и верующим [26, с. 109]. В настоящее время под религией понимается форма общественного сознания, система мировоззрения, поведения, связанная с определенными культовыми действиями или поведением, которые основаны на вере в Бога. В зависимости от религии это может быть вера в одного или нескольких богов [20, с. 16].

Ушло в прошлое навязанное коммунистической идеологией определение религии как «извращенное, фантастическое отражение в головах людей господствующих над ними при-

родных и общественных сил» [1, с. 438]. В атеистической литературе советского периода отмечалось, что «религия извращает реальные отношения в природе и обществе, дезориентирует людей в познании и преобразовании мира, закрепляет и увековечивает зависимость человека от стихийных природных и социальных сил» [1, с. 439]. Во многом корни советского атеистического подхода исходят от Маркса и Энгельса, по мнению которых «всякая религия является не чем иным, как фантастическим отражением в головах людей тех внешних сил, которые господствуют над ними в их повседневной жизни», а саму религию они называли не чем иным, как «опиумом для народа» [10, с. 328]. Следует отметить, что некоторые зарубежные исследователи считают, что «религия есть унифицированная система верований и практик, связанных со священными предметами, то есть предметами обособленными и запрещенными, – верований и практик, которые объединяют в одном единственном нравственном сообществе, называемом церковью, всех тех, кто придерживается их» [37, р. 40]. В данном случае дается нейтральное определение, без эмоциональных и иных окрасок. Другие зарубежные исследователи определяют религию как систему знаков (символов) [38]. Например, ими отмечается, что религия представляет собой систему символов, которая направлена на формирование мотивов, порядка в поведении членов общества [38, с. 42].

В современной светской, а не религиозной литературе религию определяют нейтрально как особую форму мировоззрения, выполняющую функцию социального регулятора. При этом развитые религиозные направления, как правило, состоят из трех частей: догматики, этики и религиозных норм. По мнению Р. Б. Головкина, религия представляет собой сложную систему, состоящую из веры, т. е. религиозного сознания, религиозных отношений, религиозных культов; религиозных норм и самой религиозной организации [4, с. 281]. Религиозные нормы, представляют собой вид социальных норм, установленных различными вероисповеданиями и регламентирующих отправление богослужений, правила поведения для верующих (соблюдение постов, молитвы и т. д.), а также внутреннее отношение человека к Богу, самому себе, людям и окружающему миру. Они имеют внешнюю форму выражения, т. е. формализованы и закреплены в священных книгах, например в Библии, а также в их комментариях, актах, издаваемых органами церковного сообщества или высшими чинами церкви.

Если обратиться к содержанию религиозных норм, то ими регламентируются отношения

людей как к самому себе, так и друг с другом. В них сконцентрированы человеческая мудрость, опыт совместного общежития, которые выработаны в течение многих веков. Естественно, что содержание божественных норм различно у народов, исповедующих разные религии.

Идеи божественных установок закреплены в священных книгах, например в Гите, Библии, Коране и др. Религия обладает свойством нормативности, а, как известно, она может быть не только правовой, но и религиозной. Правила человеческого общежития, закрепленные в религиозных нормативных источниках, обязательны к реализации верующими [31, р. 109]. Религиозные нормы обладают схожей с нормами права логической структурой. Диспозиция религиозной нормы зачастую выражена более ясно и понятно. Так, одна из заповедей звучит: «Не убий» – это правило поведения. Статья 105 УК РФ говорит об убийстве, т. е. умышленном лишении жизни. Однако само правило звучит так: «Умышленное лишение жизни запрещено». Оно выводится логическим путем. Заповеди сформулированы так, что не требуют применения логических формул, свойственных для выведения правила поведения из текста нормативного правового акта.

В исследованиях отмечается, что как религиозные, так и правовые нормы не могут быть определены вне контекста исторических, культурных и иных социальных факторов [34; 30]. Ввиду обусловленности одинаковыми факторами они неизбежно будут обладать общими требованиями к поведению участников общественных отношений.

Нормы религии регулируют общественные отношения при помощи специального механизма, который аккумулирует такие явления, как: нормы религии; нормы церковной организации; каноническое право; религиозные отношения; культовые действия; события и факты, которые приводят в действие религиозные отношения. Особое место в механизме религиозного регулирования занимает религиозное сознание верующего, так как религия регулирует не только внешнее взаимодействие, но и отношение к самому себе.

Можно определить основные признаки религиозного регулирования: во-первых, оно выступает одним из видов социального регулятивного воздействия; основывается на вере и убеждениях о справедливости и всемогуществе Бога; во-вторых, религиозное регулирование реализуется в рамках общественных религиозных объединений; в-третьих, реализуется при помощи специальных религиозных средств (религиозных норм, отношений и т. д.); в-четвертых, яв-

ляется видом негосударственного регулирования; направлено на защиту как самого верующего, так и окружающих его людей.

Социальная и юридическая ответственность как регуляторы общественных отношений

Важным регулятором общественных отношений выступает как юридическая, так и религиозная ответственность, что является структурными элементами системы нормативного регулирования. Прежде чем переходить к проблемам возможных противоречий религиозной и юридической ответственности, необходимо определить понятия данных явлений.

Ответственность – это обязательный атрибутивный элемент общества, который вытекает из нормативности и самой потребности в упорядочении общественных отношений. По мере развития общества происходит усложнение системы социальной ответственности и ее подсистемы – юридической ответственности. В процессе развития цивилизации происходило также и усложнение религиозной ответственности, возможно, не так быстро и стремительно, как мы наблюдаем с системой юридической ответственности. Несмотря на всю важность понятия «юридическая ответственность» в современном законодательстве отсутствует ее легальное определение, как отсутствовало оно и в нормативных правовых актах, которые утратили силу. Если мы обратимся к этимологическому значению слова «ответственность», которое дается в словаре С. И. Ожегова, то увидим, что ответственность определяется через производное – «ответственный», а также как наделенный правами и обязанностями в реализации своей деятельности [17, с. 390].

В немецком языке понятию «ответственность» соответствует не одно, а несколько слов: «Verantwortung», «Verantwortlichkeit» и «Haftung». В первое слово вкладывается смысл ответственности за противоправное поведение, а во-втором подразумевается ответственность за действия, которые субъект может совершить в будущем. Третье слово применяется для обозначения ответственности без вины в гражданском праве [58, s. 29; 37]. Вполне понятно, что научные определения и понятия не могут основываться только на этимологическом значении того или иного слова, но оно должно учитываться наряду с другими характеристиками при формулировании соответствующей научной абстракции. Из этимологического значения слова «ответственность» вытекает, что социальная ответственность может быть как за будущее, так и за прошлое поведение, но при этом она носит единый характер, что нашло свое подтвержде-

ние не только в отечественной, но и зарубежной научной литературе [35; 59; 60].

В философской литературе разграничивают позитивную и негативную юридическую ответственность. Известный зарубежный философ Поль Рикер связывает позитивную ответственность с чувством предостояния за будущие действия [56, p. 112]. Еще в 1919 году социологом Максом Вебером была предложена этика ответственности, именуемая «Verantwortungsethik». По Вейберу, такая этика основана на ряде принципов, она задает вопрос об ответственности за поступки «и поскольку этика убеждения и этика ответственности не суть абсолютные противоположности, они взаимодополняемы и только вместе составляют подлинного человека» [61, s. 505]. Макс Вейбер писал об ответственности применительно к политике, акцентируя внимание на том, каких людей можно привлекать к политике и какие люди должны ее осуществлять, подразумевая под ними ответственных субъектов.

Научно-технический прогресс обусловливал и развитие взглядов об ответственности. В конце прошлого века Ханс Йонас с иной позиции рассмотрел принцип ответственности человека, принимая во внимание атомную энергию, окружающую среду, сохранение биологических видов и в целом различного рода проблемы планетарного масштаба. Им был поставлен вопрос об ответственности за сохранение человеческого рода, а сама ответственность рассматривалась как глобальная проблема современности [45; 46]. Ответственность за человечество, за планету должна стать принципом третьего тысячелетия. Это ответственность и за окружающую среду, за современный мир, а также за то, каким мир будет после нас. На сам деле ответственность в таком аспекте побуждает задуматься, как мы должны развиваться, действовать, чтобы выжили мы и последующие поколения. «Мировому сообществу необходимо учиться и мыслить в глобальных взаимосвязях». Неизбежно встают вопросы, как строить жизнь цивилизации и какому основополагающему принципу необходимо следовать, чтобы создавались гармоничные условия для совместного существования. Прибыль не должна становиться превыше всего. Она является не целью, а результатом, а «на смену деловому обществу должно прийти общество знания» [46, s. 301].

Социальная ответственность представляет собой диалектическую взаимосвязь личности и общества, в рамках которой реализуются взаимные права и обязанности, соблюдаются требования социальных норм, морально-этические принципы и только в результате социального

отклонения (девиантного поведения) наступает ответственность негативная, связанная с порицанием, осуждением и несением неблагоприятных последствий, предусмотренных санкцией нарушенной нормы. При этом социальная ответственность – явление очень многогранное, которое включает в себя психологические, культурные и моральные аспекты. Она зависит от уровня развития общества, его менталитета, существующих приоритетов ценностей, являясь сама ценностным аспектом существующей культуры. Социальная ответственность не связана исключительно с обязанностями, она основана и на представленных возможностях личностного развития и самореализации субъекта.

Многогранность социальной ответственности обусловлена и тем, что она основана на свободе, является выражением свободы, но абсолютной свободы, как известно, не бывает. Поэтому ответственность – это и ограничение субъекта теми или иными требованиями, которые к нему предъявляет общество.

Известно, что социальной ответственности в чистом виде не существует. Она всегда находит свое выражение в тех или иных конкретных видах. Например, юридической, корпоративной, моральной, религиозной, политической и т. д. Юридическая ответственность и религиозная ответственность соотносятся с социальной ответственностью как вид и род. Социальная ответственность – это родовое понятие, а юридическая – видовое. Аналогичное утверждение применимо и к религиозной ответственности.

Юридическую ответственность необходимо изучать во взаимосвязи с социальной ответственностью. При этом в данное понятие следует привносить юридическую специфику, так как в философской и социологической литературе понятие социальной ответственности определяется исходя из обобщений моральной, политической, корпоративной и иных неюридических видов ответственности. С другой стороны, ученые-юристы достаточно часто анализируют юридическую ответственность без учета особенностей родового понятия – социальной ответственности. Такой подход обусловлен определенными историческими традициями, так как длительное время юридическая ответственность исследовалась только как следствие правонарушения.

Однако социологические исследования говорят о том, что сами граждане понимают юридическую ответственность в позитивном аспекте. Так, нами проводилось анкетирование трехсот граждан по вопросам осознания ответственности, восприятия ими правовых норм и собственной ответственности за будущие действия. На вопросы о том, что в будущем может удер-

жать от совершения правонарушения, 73,4 % от числа опрошенных ответили: знание закона; уважение закона. Более 89 % процентов опрошенных в той или иной степени в своей повседневной жизни сопоставляют свое поведение с уголовно-правовыми и иными запретами. При этом ученые-юристы и практические работники, при проведении анкетирования, очевидно, следуя научным традициям и школам, почти в половине случаев (41 %) указали, что нормы запрещающих отраслей права не регулируют поведение субъекта. Получается интересная ситуация, когда сами адресаты правовых норм считают себя позитивно-ответственными за будущее поведение, а ученые-юристы практически в своей половине не считают их таковыми. Часть ученых-юристов и практических работников считают, что запреты соблюдаются: ввиду привычного поведения – 43 %; по мотивам уважения закона и высокой сознательности – 24,5 %. Между тем граждане (80,2 %) указывают, что несут юридическую ответственность перед государством, подразумевается именно позитивная ответственность за будущие действия, а 50 % граждан указали, что и государство несет перед ними ответственность. На контрольный, дублирующий вопрос: считаете ли вы себя юридически ответственным за свое будущее поведение – 84 % проанкетированных граждан ответили положительно. Результаты опроса, на наш взгляд, подтверждает многие теоретические положения о юридической ответственности как разновидности социальной ответственности.

В настоящее время отношения ответственности находятся в кризисном состоянии, что обусловлено сложными процессами, происходящими в самом обществе. Современное общество переживает очередной кризис, связанный с изменением парадигмы, когда «товар – деньги – товар» начинает уходить на второй план, а человек и его труд не должны выступать средствами достижения цели. Целью должно быть образование и развитие человека, его знания и ответственность. Знание должно формироваться не на бездуховной основе, а на осознании и понимании ответственности за будущее развитие как самого себя, так и других. В таком обществе знания, образование будут обладать главным значением, но они без ответственного их использования могут вредить обществу, а не развивать его. Человек должен оставаться человеком, личностью, субъектом, а не превращаться в средство достижения целей. Тенденции таковы, что на смену капиталу, который раньше был решающим фактором развития как конкретного предприятия, так и общества, приходит «человеческий капитал», который и определяет бу-

дущее развитие. Иными словами, человек спасает человека и цивилизацию в целом.

Даже самые прагматики – экономисты пересматривают свою позицию, согласно которой главной задачей предприятия является получение прибыли, а максимальная прибыль – это самый лучший вклад предприятия как в собственное развитие, так и в развитие общества, конкретного государства или мировой экономики. Европейские представители как общественных наук, так и экономических, начиная с Аристотеля и заканчивая Адамом Смитом, видели в экономике и политике и этические аспекты. Существует заблуждение, что этические поступки в экономике являются не экономическими. Однако практика общественного развития показала, что ответственность и этика в экономических отношениях – это вклад в будущее, а получение максимальных прибылей на определенном этапе развития может в дальнейшем привести к кризису и существенным потерям. Социальная ответственность тесным образом связана с этикой. По сути синонимично выглядят утверждения: поступать этично и поступать ответственно. Современный мир без этики и ответственности может превратиться в мир бездушный, лишенный ценностей и соответствующих ориентиров и может прийти к духовному кризису, следствием которого станут государственный и экономический кризисы. В научных исследованиях верно отмечается, что культурный кризис вытекает из морального кризиса и бездуховности [36; 51; 52].

Еще Иммануил Кант писал: «Человек ответственен за человечество в своем лице» [5, с. 478]. Любые поступки субъекта можно классифицировать на совершенные и те, которые он намеревается совершить в будущем. В научной литературе, посвященной религиозным, моральным, социальным, а также юридическим проблемам, понятие ответственности рассматривается с позиции двух аспектов: ответственность за прошлые поступки (поведение), которые нарушали социальные нормы; и ответственность за будущие поступки. Соответственно, данные аспекты называют ретроспективным и позитивным (перспективным). Не все ученые согласны с наличием у юридической ответственности позитивного аспекта реализации. Например, О. Э. Лейст, критикуя концепцию позитивной юридической ответственности, отмечает, что «правоведение, как и все общественные науки, не может просто в “готовом виде” использовать философские понятия и категории без учета специфики предмета своей науки» [11, с. 536]. Отчасти можно согласиться с данным утверждением. Действительно, фило-

софские категории могут не учитывать особенности той или иной науки, но одновременно основные черты и признаки, которые характерны для социальной ответственности, находят свое проявление и в ответственности юридической. Ведь в данном случае речь идет не о частности, а об очень существенной характеристике или даже о сущностном аспекте.

В настоящее время в нашем обществе произошло расширение границ свободы, появились новые субъективные права, законные интересы, но в то же время должна усиливаться общность общества, личности и государства на основе предъявляемых к ним требований и ответственности. Социальная ответственность является мерой свободы. Она основана на свободе, но, с другой стороны, с ее помощью свобода ограничивается ввиду принуждения субъекта действовать в рамках данной свободы. «Сознание – свобода – выбор, эта локковская триада является совокупным описанием ситуации разумного (ответственного) существования человека». Не может существовать безграничной или абсолютной, свободы, а свобода без социальной ответственности превращается в аномию, произвол и хаос. Как отмечает известный социолог Э. Дюркгейм, в основе безответственного поведения находится безнормативность, аномия [37, р. 49]. Другие зарубежные исследователи отмечают наличие у социальной ответственности как позитивного, так и негативного аспекта [61; 62]. В этой связи и возникает вопрос к отечественным юристам, которые продолжают видеть в ответственности инструмент устрашения и наказания, а не регулирования поведения. Почему так сужается предназначение юридической ответственности? Юридическая ответственность по своей природе социальна и обладает признаками и характеристиками, свойственными родовому явлению.

Ответственность общества и личности обладает социальной природой, которая обусловлена характером общественных отношений, свойствами личности, ее местом в существующей системе отношений, а также особенностями самого общества. Утверждение о том, что личность представляет собой своеобразную совокупность общественных отношений не утратило своего значения и в настоящее время. Теория социального характера личности помогает понять генезис, функции и причины крушения различных типов общества. Она помогает понять, какие мотивы поведения, распространенные в массе людей, поддерживают данную социальную систему, а какие ее разрушают.

Учение о позитивной юридической ответственности не является исключительно теорети-

ческой абстракцией или неким рудиментом социалистической идеологии, как хотят представить ее оппоненты данной концепции. Она представляет собой результат отражения в научных знаниях социальной действительности и определенного этапа развития нашего общества. Данное явление существовало и раньше, и не ученые его породили, они только выявили и теоретически обосновали наличие позитивной юридической ответственности. Позитивная юридическая ответственность обусловлена самой природой человеческого общества, необходимостью регулирования и охраны существующих ценностей, общественных отношений.

Социальная ответственность немислима без обязанностей субъекта, которые могут быть основаны на различных социальных нормах, но реализовываться данная обязанность должна в поведении, которое соответствует требованиям социальных норм. Нарушение требований социальной нормы – есть акт безответственного поведения субъекта общественного отношения, в связи с совершением которого возникает обязанность претерпеть различного рода меры общественного принуждения. Социальная ответственность едина, но обладает различными формами реализации, которые обусловлены философским законом единства и борьбы противоположностей. Общность форм реализации социальной ответственности заключается в том, что они предусмотрены социальной нормой, обладают одинаковыми предпосылками (свободой воли), а также находят свое выражение в социально значимом поведении субъекта. Однако само поведение может быть различным – одобряемым обществом, т. е. соответствующим требованиям социальных норм, либо конфликтным, противоречащим социальным нормам. Однако и между данными характеристиками поведения субъекта существуют взаимосвязи. Так, социально полезное или социально допустимое поведение может существовать только в том случае, если есть поведение, которое осуждается обществом и наоборот. Как уже отмечалось, противоречивые характеристики данного такого поведения обусловлены философским законом единства и борьбы противоположностей. При этом как первый, так и второй варианты поведения закреплены (смоделированы) в социальной норме, следовательно, в норме закреплены добровольная и принудительная формы реализации социальной ответственности.

Можно отметить, что в философской литературе в целом верно рассматривается добровольная форма реализации социальной ответственности, но при этом какой-либо из его признаков выдается за основной и в определении

социальной ответственности акцент делается именно на нем. В качестве сущностного признака добровольной формы реализации позитивной ответственности ученые видят: свободу воли; социально полезное поведение; взаимосвязь с обществом; обязанности; требования и т. д. Думается, что многие из указанных признаков характеризуют добровольную форму реализации социальной ответственности.

Безусловно, социальная ответственность отражает связи общества и личности, но она не исчерпывается только ими. Данные связи основаны на взаимных обязанностях, правах и интересах, которые во вне выражаются в одобряемом поведении. При этом любое право или обязанность рассчитаны на волю и сознание субъекта, на основе которых у субъекта вырабатываются внутреннее психическое отношение, мотивы цели. Причем протекает это все на определенном эмоциональном фоне. Кроме того, поведение субъекта оценивается обществом, результатом чего выступают одобрение или поощрение.

Негативная или принудительная форма реализации социальной ответственности также основывается на ряде признаков. Основным из них выступает обязанность претерпеть меры общественного воздействия, которые предусмотрены социальной нормой. Следующим признаком негативной социальной ответственности является ее основанность на общественном принуждении, которое во вне выражается в оценке обществом поступка и в претерпевании тех последствий, которые предусматривает санкция социальной нормы.

С учетом изложенного полагаем, что социальная ответственность представляет собой диалектическую взаимосвязь между личностью и обществом, которая характеризуется взаимными правами и обязанностями по реализации требований социальных норм; их соблюдение, которое влечет одобрение или поощрение, а в случаях безответственного поведения, которое не соответствует требованиям этих норм, – это обязанность ограничения, предусмотренные санкцией социальной нормы.

Социальная и юридическая ответственность обладают схожими основаниями, общими функциями и принципами, отражая связи между обществом и личностями, а также преследуют единые цели. Одновременно юридическая ответственность характеризуется специфическими признаками, на основе которых ее можно отличить от иных видов социальной ответственности. Во-первых, юридическая ответственность обеспечивается государством, гарантируется им. В-третьих, она реализуется исключительно в процессуальной форме. В-четвертых, ее по-

следствиями является или одобрение, поощрение, или осуждение с реализацией мер, предусмотренных санкцией нарушенной нормы. Указанные свойства, выделяющие юридическую ответственность среди иных видов социальной ответственности, не противоречат общим свойствам социальной ответственности.

Интересы превенции правонарушений и иных социальных отклонений обуславливают исследование механизма формирования поведения, одобряемого и поощряемого обществом. Известно, что одной из характеристик гражданского общества выступает взаимная ответственность личности и государства, ответственность отдельных субъектов друг перед другом, коллективная взаимная ответственность и т. д. В свою очередь, социальная ответственность – это один из наиболее важнейших компонентов гражданского общества и свободных индивидов, имеющих равные права и обязанности. «Будучи с необходимостью опосредованной государством и правом, она получает политические и правовые особенности, формы» [27, с. 14], но не теряет при этом своих основных признаков и характеристик.

Ученые, придерживающиеся концепции только негативной юридической ответственности, указывают на невозможность объединить в одном понятии столь противоречивые аспекты, стороны и формы, так как одна неизбежно исключает другую. Между тем к юридической ответственности применим основополагающий принцип диалектики – исследовать явления социальной жизни на основе закона единства и борьбы противоположностей. Юридическая ответственность наряду с иными видами социальной ответственности едина. Она включает в себя ответственность за прошлое и за будущее поведение. Если утверждать обратное, т. е. отсутствие у юридической ответственности позитивной (добровольной) формы реализации, то это означает признать ее не разновидностью социальной ответственности, а каким-то особым «несоциальным видом», что приведет к ее исключению из системы регулирования общественных отношений.

Регулирование юридической ответственностью осуществляется на основе различных правовых средств: запретов, обязанностей, дозволений. При этом норма права является эталоном возможного или должного, а также ответственного поведения. По указанному образцу мы определяем как правомерность, так и противоправность поведения, а сама юридическая ответственность формализуется при помощи правовых норм. «Установление статутной (единой ответственности) ответственности имеет место

до факта правомерного или противоправного поведения» [25, с. 80]. «Статутная ответственность – это объективно обусловленная, установленная законом и охраняемая государством необходимостью (обязанность) осознанного и добровольного выполнения правовых предписаний участниками правоотношений. Она выполняет конструктивно-регулятивную функцию, является образцом (конструкцией, моделью) действительно ответственного и должного поведения» [25, с. 81]. Позитивная и негативная юридическая ответственность на внутреннем уровне выступает как отношение самих субъектов к единой (статутной) ответственности. При этом данное отношение не существует исключительно в психике субъекта, оно выражается в самом поведении субъектов. Еще раз подчеркнем, что юридическая ответственность едина, но обладает различными формами (аспектами) реализации. «Право – не только мера юридической свободы, но и мера юридической ответственности. Это корреляционные категории ... ответственность – такая же объективная необходимость, как и свобода» [13, с. 23].

Нормативная основа юридической ответственности заложена в самой норме права, а ее глубинные основания заключаются во включенности субъекта в общественные отношения и его связанности, предъявляемых к нему требований. В норме права данные требования только формализуются, они начинают приобретать характер общеобязательности, властности и государственной принудительности.

Религиозная ответственность как регулятор общественных отношений

Понятие «юридическая ответственность» учеными-юристами подвергалось пристальному исследованию, в отличие от понятия «религиозная ответственность», но в имеющихся по данной проблематике исследованиях признается существование позитивной религиозной ответственности. Проблема религиозной ответственности была рассмотрена в книге Патриарха Московского и Всея Руси Кирилла: «Свобода и ответственность: в поисках гармонии. Права человека и достоинство личности». В работе отмечается, что ответственность является чувством «нравственного долга перед Богом, обществом и самим собой» [9, с. 6].

Нравственный долг перед Богом отождествляется с понятием ответственности, но одновременно не оставляются без внимания права и свободы человека и гражданина, которые прежде всего связываются с его юридической, моральной и религиозной ответственностью. Религиозное чувство ответственности относится

к ценностным проявлениям духовности человека. Верующий человек несет ответственность перед Богом за свое благочестие и за грехи, за свою жизнь и отношение к окружающим людям предметам, что основывается на вере в Страшный суд, когда люди будут отвечать за свои прегрешения перед Всевышним: «И что будет с народом, то и со священником; что со слугою, то и с господином его... ибо они переступили законы, изменили устав, нарушили вечный завет. За то проклятие поедает землю и несут наказание живущие на ней; за то сожжены обитатели земли, и немного осталось людей... Земля сокрушается, земля распадается, земля потрясена, и беззаконие ее тяготеет над ней». В сознании верующего отражается понимание того, что он является творцом своей судьбы, так как Господь наделил его правом выбора и относительной свободой. Именно от человека зависит, куда он попадет – в рай или ад. В этом смысле можно привести предупреждение апостола Петра: «... будьте всегда готовы всякому, требующему у вас отчета в вашем уповании, дать ответ с кротостью и благоговением». В посланиях православных святых сочетается и ненависть к греху и любовь к ближнему и в целом к творениям Бога. Верующий ответственный человек осознает, что его дела и поступки после смерти будут рассмотрены на Великом суде. В Новом Завете сказано: «И увидел я великий белый престол и Сидящего на нем, от лица Которого бежало небо и земля, и не нашлось им места. И увидел я мертвых, малых и великих, стоящих пред Богом, и книги раскрыты были, и иная книга раскрыта, которая есть книга жизни; и судимы были мертвые по написанному в книгах, сообразно с делами своими. Тогда отдало море мертвых, бывших в нем, и смерть и ад отдали мертвых, которые были в них; и судим был каждый по делам своим». Внутреннее понимание религиозной ответственности субъект обладает большим значением для его духовной жизни. По христианскому учению, у человека есть свобода, принять или не принять Христа. Свобода состоит в выборе, следовать заповедям или нет. Блаженный Августин говорил: «Бог стал человеком для того, чтобы человек стал Богом», что означает взять ответственность как за себя самого, так и за окружающих. В верующем человеке существует чувство ответственности за свои поступки и за поступки других людей, а также осознание значения креста, который он должен нести. Религиозная ответственность открывает субъекту перспективы, которые выйдут за рамки ограниченного существования. Ответственность в данном случае не только ограничивает верующего, но и предоставляет воз-

возможности для понимания смысла жизни, истинных ценностей и духовного совершенствования, что в итоге выражается в его поведении, отношении как к самому себе, так и к окружающим. Чувство религиозной ответственности выводит человека на иной уровень, который не ограничен рамками потребления и приобретения. Как считает Г. К. Юнг, апостол Павел является подтверждением сказанному, являясь бродячим ткачом, смысл жизни которого состоял в психологической уверенности в том, что он является Божиим посланником и несет ответственность перед ним [29, с. 81]. В жизни апостола Павла мы видим понимание социальной значимости собственного поведения и оценку своих поступков. Подобное понимание в науке определяют как позитивный аспект ответственности, в данном случае религиозной, а учитывая то, что требования многих моральных и религиозных норм совпадают, то и моральной. При этом в религиозной ответственности важное значение имеют как объективные, так и субъективные признаки. Так внутреннее отношение к миру и самому себе должно находить выражение и в самом поведении субъекта. Религиозная позитивная ответственность существует в единстве своих объективных и субъективных признаков. Причем религиозная ответственность предъявляет требования не только к внешнему поведению, но и к внутреннему миру субъекта.

Если сопоставлять юридическую и религиозную позитивную ответственность, то первая проявляется во вне в правомерном поведении субъекта, которое может быть заслуженным, социально активным, привычным, конформистским или маргинальным. В юридической литературе отмечают существование внутренних характеристик позитивной юридической ответственности, которые заключаются в позитивном психическом отношении, различного рода мотивации, борьбе мотивов, но для квалификации деяния как противоправного или правомерного необходима только внешняя сторона. Внутренняя сторона имеет значение только для осуществления профилактики правонарушений, в особенности когда речь идет о маргинальном поведении, которое находится на грани с правонарушением или злоупотреблением правом. Кроме того, злоупотребление правом не всегда является правонарушением. Таким образом, поведение с юридической точки зрения можно считать ответственным, если оно относится к любому виду правомерного поведения. Религиозная позитивная ответственность предъявляет требования не только к внешней стороне, но и к внутреннему миру человека, к его мотивам. Она

существует в единстве объективных и позитивных субъективных признаков.

Позитивное и негативное существует у всех видов социальной ответственности. Придерживаясь логики от общего к частному, мы приходим к выводу, что позитивный аспект существует и религиозной ответственности. Религиозная ответственность основана на вере, справедливости Бога и представляет собой обязанность верующего человека соблюдать и исполнять религиозные нормы и обряды, быть безгрешным, соизмерять свой внутренний мир и поведение с их требованиями. В случае нарушения требований религиозных норм она выражается уже в добровольной обязанности покаяться, претерпеть те или иные ограничения, которые обусловлены грехом.

Основанием негативной религиозной ответственности выступает безответственное поведение, являющееся грехом и заключающееся в исчезновении чувств религиозной духовности и очевидности. Согласно существующим нормам, верующий человек должен каяться в этом перед Богом [18, с. 128].

Позитивная аспект религиозной ответственности основывается на канонах, которые обязывают верующего человека жить по заповедям религии. Назовем некоторые каноны: «Бойтесь каждый матери своей и отца своего. Не крадите, не лгите и не обманывайте друг друга. Не обижай ближнего твоего и не грабительствуй. Не делайте неправды на суде. По правде суди ближнего твоего. Не враждуй на брата твоего. Не мсти и не имей злобы. Люби ближнего твоего, как самого себя. Пред лицом седого вставай и почитай лице старца, и бойся Бога твоего. Когда поселится пришелец в земле вашей, не притесняйте его. Не делайте неправды в суде, в мере, в весе и в измерении. Не суди превратно тяжбы бедного твоего. Удаляйся от неправды и не умерщвляй невинного и правого, ибо Я не оправдаю беззаконника».

Позитивная форма реализации религиозной ответственности представляет собой добровольную обязанность по соблюдению требований религиозных норм. В ней нет государственного принуждения. На основе религиозной ответственности у верующих формируется сознание самого себя как индивида, приобщенного к совокупности моральных, нравственных и религиозных ценностей. При этом значение придается и культовой деятельности, в которой верующие субъекты объединяются, поддерживают общие традиции, осуществляют послушание, что, в свою очередь, подготавливает их к социальной жизни, укрепляет чувства единства и удовлетворения.

Религиозные отношения многообразны, и по их характеру можно определить организационную и культовую ответственность. В основе культовой ответственности находятся обязанности по соблюдению тех или иных обрядов, служб. В содержание такой ответственности входят также отношения, складывающиеся между людьми при отправлении религиозного культа.

Организационная ответственность направлена на регуляцию межцерковных, внутрцерковных и межконфессиональных отношений. Она основана на различных положениях, уставах, в которых закрепляется порядок выбора органов руководства. Кроме того, в них регламентируются права и обязанности самих религиозных организаций, а также ее членов, коллегиальных и единоличных органов управления. Религиозная ответственность охватывает достаточно обширную сферу социальной жизни верующих.

Религию следует рассматривать как фактор социальной стабильности и социальных изменений, зависящих от ответственности самой Церкви перед Богом. Всем известны жестокость и бесчеловечность инквизиции в Средние и более поздние века в Европе, в связи с чем папа римский Павел II произнес публичное покаяние за всю католическую церковь в конкретных грехах:

- отсутствие терпимости к инакомыслящим, применение к ним насилия, развязывание религиозных войн, жестокость действий инквизиции;
- разрушение единства христиан;
- враждебность и презрение по отношению к евреям;
- прегрешения против человеческого достоинства, а также целых рас, народов и женщин;
- грехи, нарушающие права личности и социальную справедливость¹.

Такое показание показывает, что религиозная ответственность распространяется на всех членов Церкви.

Можно отметить, что существующая система религиозной ответственности классифицируется на общую, которая распространяет свое действие как на мирян, так и на духовных лиц, и на особенную, субъектами которой являются должностные (духовные) члены Церкви. Перечень церковных наказаний относительно небольшой: наложение епитимьи; отлучение от церкви; покаяние [17, с. 128]. Каждое из наказаний обладает своими особенностями. Так, отлучение может быть выражено в нескольких формах. Во-первых, в лишении права приступать к

таинствам Церкви, принимать участие в различных культовых обрядах. Во-вторых, в исключительных случаях оно может состоять в запретах совершения литургии в храмах, их запечатывании. В-третьих, может быть провозглашена анафема, а имя отлученного занесено в синодик, который читается в этот день. В-четвертых, применение малого отлучения.

Другие виды наказаний заключаются в различного рода церковных покаяниях. Его цель – предоставить возможность освободиться от греха. Покаяние, которое назначается духовным лицом, носит название епитимьи и заключается в актах благочестия – поклонах, молитвах, соблюдении постов и т. д.

Для духовных лиц закреплены особые меры религиозной ответственности: запрет служения; перевод в другой приход; возложение епитимьи; послушание в монастыре под началом монастырского духовного руководства; лишение сана.

Если проводить сравнение системы юридической и религиозной ответственности, то первая носит более сложный характер. Она включает в себя такие виды, как конституционная, административная, уголовная, гражданско-правовая, дисциплинарная, финансово-правовая и другие виды юридической ответственности. С каждым годом мы наблюдаем усложнение системы юридической ответственности, когда взаимодополняемость одного вида юридической ответственности другим способствует повышению эффективности осуществления общих функций и выступает в роли системообразующего фактора [61].

Можно посмотреть на данную проблему и с другой стороны. Так, усложнение системы юридической ответственности неизбежно ведет к увеличению количества законов и иных нормативных правовых актов. Однако необходимо задаться вопросом: можно ли улучшить регулирование постоянным увеличением нормативных актов? Можно зарегаментировать общественные отношения, но не получить необходимого результата. Правовым нормам необходима нравственная составляющая. Религиозное признание и одобрение нормативных правовых актов является эффективной предпосылкой культурного и нравственного развития общества. Законы не принесут пользы, если они не соблюдаются большинством членов общества. «*Quid leges sine moribus*», – утверждает римское изречение. «Что значат законы без (добрых) нравов»? Мораль не может существовать без религии, а религия без морали. Для ответа на этот вопрос обратимся к первой статье Всеобщей декларации прав человека: «Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве

¹ Известия. 2000. 13 марта.

и правах. Они наделены разумом и совестью и должны поступать в отношении друг друга в духе братства». Из Всеобщей декларации следует и субъективное право на свободу религии. Причем это право обладает двояким смыслом. Оно состоит в свободе как исповедовать, так и не исповедовать религию. В обществе существуют как верующие, так и атеисты. Возможна ли внутренняя общность между ними? Думается, что она не только возможна, но и необходима. Мы можем сталкиваться с ситуацией, когда неверующие люди своим поведением демонстрируют соблюдение этических принципов, проявляют ответственность как к самому себе, так и к окружающим. У верующих и неверующих должны быть ответственность перед друг другом и взаимное уважение.

Ответственность за формирование атмосферы взаимного уважения как верующих, так и атеистов лежит и на ученых, которые должны заниматься обоснованием морального и религиозного «наполнения» правовых норм, а не направлять свои усилия как американский ученый-теолог Э. Хик на отвержение идеи сотворения мира в Книге Бытия, по мнению которого в ней отражены только конструкции и принципы гносеологии, характерные для того периода времени [44, р. 284]. Указанное решение проблемы не в состоянии дать позитивных результатов. Можно исходить из того, что мыследеятельность ученых направлена к Абсолюту, который выступает ее основой. В таком случае следует признать исходным принципом нашей познавательной деятельности Откровение, а следовательно, и такие основы христианского знания, как учение о Творении мира Богом из ничего. Тезис об обусловленности нашего познания Абсолютом приводит в итоге к движению научного поиска в рамках религиозного сознания. Мораль, разум, вера, сознание позволяют вводить науку в определенные рамки и границы.

Функциональное предназначение юридической и религиозной ответственности

Обратимся к инструментальному уровню проблемы религиозной и юридической ответственности, когда функция служит для достижения той или иной цели. Таким образом, мы непосредственно подошли к функциональному предназначению религиозной и юридической ответственности, в которых раскрывается их сущность и социальное предназначение.

Если проводить сравнение с функциями, которые осуществляются юридической ответственностью, то она, как известно, осуществляет регулятивную, восстановительную, карательную, превентивную и воспитательную функции.

Мы полагаем, что религиозная ответственность реализует указанные функции, но при помощи иных приемов, методов и способов.

Если обратиться к содержанию регулятивной функции юридической ответственности, то можно прийти к выводу, что она направлена на закрепление общественных отношений и оформление их динамики, а ее основными способами реализации выступают: формулирование составов правомерного поведения; закрепление прав и обязанностей, а также поощрительных мер. Действие регулятивной функции религиозной ответственности дополняет регулятивную функцию юридической ответственности и проявляется уже на сознании верующего. Ценностные ориентиры, которая она формирует, вырабатываются каждой из религиозных конфессий самостоятельно и передаются от одного поколения к другому. Религиозные ценности, хотя и являются абстракцией, и сильно не конкретизированы, но они выступают программой для действий субъектов и связаны с возможностями выбирать тот или иной вариант поведения. Таким образом, религиозная ответственность выполняет свою регулятивную функцию. Особую ценность представляет внутреннее общение человека с Богом. Стремления верующего направлены на преодоление разрыва, который происходит от «первородного греха». Такое стремление есть своеобразный мотив, который формирует правомерное поведение как с позиции права, так и религии. В действиях оно выражается в совершении молитв, посещениях церковных служб, соблюдении постов, заповедей и т. д.

Регулятивная функция религиозной ответственности, как и регулятивная функция юридической ответственности, преследует цель упорядочить общественные отношения, они взаимодополняют друг друга в системе нормативного регулирования общественных отношений. В зарубежной литературе отмечается, что их эффективность по многом зависит от наличия моральной составляющей в юридических нормах [41; 57; 60].

Цели определяют наличие тех или иных функций религиозной и юридической ответственности. Перед воспитательной функцией юридической ответственности стоят цели формирования правовой культуры, правосознания граждан, законоуважения. С данными целями коррелируют и цели воспитательной функции религиозной ответственности. Она прививает любовь к ближнему, уважение к заповедям и иным моральным ценностям. «Будьте благодарными и бодрствуйте в молитвах. Более же всего имейте усердную любовь друг ко другу, по-

тому что любовь покрывает множество грехов. Будьте страннолюбивы друг ко другу без ропота. Служите друг другу, каждый тем даром, какой получил».

Воспитательная функция религиозной ответственности направлена прежде всего на внутренний мир человека. Если для регулятивной функции на первый план выдвигается внешнее, т. е. поведение, то для воспитательной функции преобладающим значением обладают ценностные установки и ориентиры. Можно отметить, что воспитательное воздействие религиозной ответственности обладает схожими целями с воспитательной функцией юридической ответственности, в чем проявляется их взаимодействие. «Однако особо следует выделить такую цель воспитательной функции религиозной ответственности, как воспитание у граждан потребности мира и любви, сострадания и терпимости к ближнему, равнодушного отношения к нуждающемуся» [20, с. 8].

Если мы обратимся к целям превентивной функции юридической ответственности, то среди них можно указать: общую и частную превенцию; обеспечение правомерного поведения субъектов юридической ответственности. Цели превенции у религиозной ответственности шире, так как состоят в предупреждении греха и недостойного поведения, а понятие «грех» не совпадает с понятием «правонарушение».

Для эффективной реализации превентивной функции юридической ответственности необходимо правовое просвещение. Аналогичное можно сказать и о превентивной функции религиозной ответственности. Важное значение здесь приобретает знание религиозных заповедей, которые обязывают человека исправить свой духовный мир, отказаться от мщения, а также любить врагов. «Злоба и гнев – тоже мерзости, и муж грешный будет обладать ими. Мстительный получит отмщение от Господа, который не забудет грехов его. Прости ближнему твоему обиду, и тогда по молитве твоей отпустятся грехи твои... Удерживайся от ссоры – и ты уменьшишь грехи; ибо раздражительный человек возжжет ссору... Если подуешь на искру, она разгорится...»

Кара у обоих видов социальной ответственности (юридической и религиозной) обусловлена необходимостью воспитания, предупреждения и исправления. Иными словами, она не должна превращаться в самоцель, а карательная функция реализуется для эффективного осуществления иных функций ответственности.

Однако карательное воздействие религиозной ответственности обладает отдельными особенностями. Согрешивший человек поступает

против воли Бога, за что с неизбежностью наступает воздаяние от Бога, который может долго терпеть, пытаться вразумить, прежде чем наказать его. Крайним мерой религиозной ответственности является уничтожение Богом (болезнь, авария и т. д.), верующие люди воспринимают это как наказание. Однако уничтожение выступает самым крайним средством и обусловлено опасным поведением человека. Оно совершается в целях сохранения жизни других людей. Кроме того, совершается не действием Бога, а его попущением, заключающимся в снятии защиты с человека, который становится жертвой естественных сил.

Уничтожение человека не является главным средством воздействия Бога на человека. Оно было присуще Ветхому Завету, когда по иному сознание человека не в состоянии было воспринимать правила, которые были даны Богом Моисею. «И не будет более вода потопом на истребление всякой плоти». По этому поводу Н. Милош указывает, что, «употребляя принудительные меры против своего члена, который нарушил церковный закон, Церковь стремится побудить его к исправлению, чтобы в общении с нею он вновь приобрел утраченное благо. Только в крайних случаях Церковь совсем лишает грешника своего общения. Осуждая преступления отдельных членов и удерживая их властью силы закона, Церковь предотвращает нарушение порядка в самой Церкви и широкое распространение зла» [14, с. 151].

Применительно к функциям юридической ответственности уже аксиоматичным стало утверждение о том, что кара не является самоцелью. Она реализуется с целью достижения других целей юридической ответственности: предупреждения, восстановления, регулирования и т. д. Не вторгаясь во все аспекты смертной казни как вида наказания, отметим, что она носит исключительный характер, а при ее реализации цели исправления, воспитания и частной превенции не достигаются. По общему правилу, карательные функции религиозной и юридической ответственности не являются самоцелью, они необходимы для реализации более гуманных целей.

Как религиозная ответственность, так и юридическая реализуют направлены на достижение цели восстановления общественных отношений, социальной справедливости и общественного порядка. Если рассматривать восстановительную функцию юридической ответственности, то можно отметить, что ее реализация начинается со справедливого осуждения виновного, которое означает восстановление справедливости в сознании потерпевших, обще-

ства, а внешние аспекты проявления восстановительной функции выражаются в возмещении причиненного вреда, компенсациях, возмещении убытков, принесении извинений и проч. В конечном итоге такие действия приводят к восстановлению общественных отношений, а в широком смысле правопорядка в целом.

Через религиозную ответственность также реализуется восстановительная функция, но прежде всего она направлена на внутренний мир субъекта, на восстановление ценностных установок, которые предписывает религия, восстановление положительной мотивации и в отношении к окружающим, к самому себе и к Богу. Кроме того, восстановление выражается и в конкретных действиях субъекта, подтверждение чему мы находим в Ветхом Завете. «И сказал Господь Моисею: если кто согрешит и сделает преступление пред Господом... он должен возвратить похищенное, что похитил, или отнятое, что отнял, или порученное, что ему поручено, или потерянное, что он нашел; или если он в чем поклялся ложно, то должен отдать сполна, и приложить к тому пятую долю и отдать тому, кому принадлежит... и прощено будет ему, что бы он ни сделал, все, в чем он сделался виновным». Средством реализации восстановительной функции выступает покаяние в грехах, исповедь. Во время исповеди покающийся человек получает прощение, восстанавливая тем самым духовные связи с Богом, которые ранее были нарушены его поступками.

Принципы юридической и религиозной ответственности

Как юридическая, так и религиозная ответственность основываются на ряде общих принципов – справедливости, гуманизма, неотвратимости, индивидуализации и виновности деяния. Существующая система принципов юридической ответственности является результатом общественного развития, а в них отражается сущность юридической ответственности, культурная реальность общества, господствующие в нем представления о добре и зле, справедливом воздаянии. Принципы юридической ответственности могут быть закреплены в отдельной статье нормативного правового акта, вытекать из всего его содержания, предопределяться духом права. Они могут выводиться из существующей доктрины и смысла всего нормативного правового акта. О том или ином принципе мы можем судить исходя из совокупности норм или совокупности статей. Законодательная техника такова, что не всегда тот или иной принцип может быть закреплен в отдельной статье закона, которая ему специально посвящена.

«Аналогично под принципами религиозной ответственности можно понимать: основополагающие идеи, закрепленные в каноническом праве и основанные на Священном Писании, которые остаются неизменными в течение веков, в соответствии с которыми строится деятельность Церкви» [20, с. 16]. Их можно определить и как «основополагающие идеи, выражающие сущность, природу и назначение религиозной ответственности» [20, с. 17].

Справедливость как принцип юридической ответственности можно условно назвать «принципом принципов», так как на нем основаны все иные принципы, а если обратиться к истории его возникновения, то понятие справедливости появилось намного раньше, чем понятия индивидуализации, гуманизма, виновности и неотвратимости.

Принцип справедливости и юридической ответственности и принцип справедливости религиозной ответственности наиболее тесным образом связаны друг с другом. Это обусловлено тем, что справедливость не представляет собой исключительно юридическую категорию. Это категория в большей степени морали, связанная с представлениями о добре и зле, каре и воздаянии, разумности и добросовестности, а также признании общечеловеческих ценностей. В отечественной и мировой науке существуют различные концепции справедливости, с некоторыми сложно согласиться. Так, Ф. Хайек утверждает, что концепция справедливости бессмысленна и пуста, так как общество не в состоянии быть несправедливым или справедливым. По его мнению, справедливость – это квазирелигиозное суеверие, которое открывает путь к тоталитаризму [42, pp. 67–69]. По своей сути корни такой идеи кроются в крайнем либерализме, фундаментализме и эгоизме, когда человеческое «я» полностью ставится на первое место, в ущерб интересам других членов общества. На наш взгляд, отрицание справедливости антигуманно и не согласуется с общечеловеческими ценностями. Общество неизбежно сталкивается с распределением и перераспределением материальных ценностей, и фундаментализм Хайека [42] может быть внедрен только авторитарными методами [49, р. 47]. В зарубежных исследованиях можно встретить позицию, когда распределительный аспект полностью отрицается и делается акцент не на формальном равенстве, а на материальном, что в принципе невозможно [47].

Теория справедливости Роберта Нозика включает в себя: право на завладение собственностью, которая никому не принадлежит (принцип справедливости приобретения); право даре-

ния принадлежащей собственности и право обмена (принцип справедливой передачи); обязанность возвращения полученного незаконным путем (принцип ректификации) [52]. Между тем либералы искажают идею справедливости и делают ее чуждой для российского менталитета. Не в этом ли кроется причина того, что западные ценности так и не могут прижиться в нашем обществе. В такой теории происходит явное расхождение с нравственными идеями формального равенства, заботы о благе ближнего и иными аксиоматичными для российского общества категориями. В зарубежной литературе можно встретить и утверждения о том, что идея справедливости представляет собой гуманистический пафос и не несет в себе рациональных начал, что в итоге приводит к видению человека как средства, а не как цели [54, р. 232].

Другие ученые связывают распределительный эффект с тем, что ряд индивидов оценивают социальные блага или услуги выше, чем иные. Делается вывод о том, что о распределении благ в пользу тех, кто их оценивает выше, а чья оценка находится на более низком уровне, соответственно, обладают меньшими правами на распределительный эффект [32; 48; 55]. Следует подчеркнуть, что авторы указанной идеи являются представителями экономико-правового подхода. Он основывается на утверждении, что право – это инструмент распределения ограниченных ресурсов и получения максимальной прибыли и выгоды в результате их использования. Даже среди зарубежных ученых такое видение справедливости подвергается критике и именуется маргинальным [50, р. 18].

Относительная популярность указанного тезиса о справедливости в США обусловлена тем, что американское направление юридического реализма подвергло критике «классическое» направление в юриспруденции, а на первое место выдвинуло дискуссии о правовой политике и анализе права с его внешней перспективой. В европейских странах, например в Германии, классическое позитивистское направление не отрицалась, а трансформировалось в «юриспруденцию интересов», а последняя – в «юриспруденцию ценностей». Однако данное направление во многом повторяло идеи Савиньи о том, что экономические, моральные и этические соображения не относятся к юридической науке и не должны быть ее частью. Одновременно экономическое направление в понимании справедливости и права встретило достаточно острую критику со стороны представителей кантианской этики [40, р. 295].

Справедливость отражает существующие в обществе представления о ценностях, которые

обусловлены ходом исторического развития. Истории известны и принцип «талиона», и словесная неравноправность, и жестокие наказания, носящие характер мучений. По мере развития общественного сознания менялись и представления о справедливости. Справедливость выступает основой гуманизма и принципов виновности деяния, индивидуализации юридической ответственности, определения различных составов правонарушений, дифференциации их по степени тяжести. В основе межотраслевой дифференциации юридической ответственности находится также принцип справедливости юридической ответственности.

Под справедливостью юридической ответственности можно понимать основное начало, сложившееся на основе существующих представлений о идеалах, ценностях, критериях возмещения и распределения ответственности между соучастниками правонарушения и т. д. Следует отметить, что сам термин «справедливость» употребляется в различных нормативных правовых актах, но не в одном из них не содержится определение ее понятия. Исключение составляет Уголовный кодекс Российской Федерации, шестая статья которого носит название «Принцип справедливости». Однако в ней, по сути, идет речь о принципе индивидуализации наказания, но не о принципе справедливости. Думается, что законодатель был прав, когда отказался давать легальное определение справедливости, так как практически невозможно моральную и одновременно юридическую категории «уложить» в строгие рамки правового формализма.

Современная отечественная правовая наука в целом стоит на концепции юридического позитивизма, но, так или иначе, в условиях, когда отечественное законодательство оперирует понятиями «добросовестность», «разумность», «справедливость», объяснить их содержание только на основе формальных конструкций становится практически невозможным. Мартин Хесселинк в своих исследованиях проводит анализ «Court of Justice of the European Union» (Европейского Суда Справедливости) [43]. Указанная практика интересна тем, что в основе судебных решений лежат представления о справедливости в гражданском праве, а именно таких ее критериев, как добросовестность, недопустимость неосновательного обогащения, разумности сроков исполнения обязательств и др. М. Хесселинк пришел к выводу, что суд, принимая решения, по своей сути применял нормы неписанного права. В известной степени отечественной юриспруденции присущ формализм и опреде-

ленные черты интегративного понимания по ряду вопросов, в особенности касающихся толкования правовых принципов [43].

При интегративном правовом понимании наблюдается «сочетание» позитивистского подхода с естественно-правовым. Не вдаваясь в дискуссию о направлениях правового понимания, приведем достаточно простой пример, когда в законодательстве фашистской Германии были закреплены чуждые человечеству ценности, но можно ли такой формальный закон назвать правом, которое ассоциируется со справедливостью. Думается, что нет. Речь идет о том, что есть «высшее право». Если закон не отвечает критериям высшего права, то он не является проявлением права и справедливости [40].

Справедливость составляет обязательную характеристику религиозной ответственности, представление о которой складывалось на протяжении веков. В основе справедливости религиозной ответственности лежит совесть и любовь к ближнему. В религиозных текстах и их толкованиях она определяется как отсутствие причастности к греху, наличие праведности, т. е. чувство справедливости органично для человека, его сознания. Справедливость находят также в божественном правосудии и воздаянии за совершение греховных поступков. Анализ религиозных норм показывает, что источником греха считается помраченное состояние души человека. «Из сердца исходят злые помыслы, убийство, прелюбодеяния, кражи, лжесвидетельства, хуления». В сравнении с понятием «правонарушение» понятие «грех» шире, мера наказания определяется Богом. Для истинно верующего человека оно носит более суровый характер в сравнении с наказанием светским. Любой грех должен быть наказан, но наказание должно быть справедливым.

В Ветхом Завете отражено требование о справедливом наказании: «И дал я повеление судьям вашим в то время, говоря: выслушивайте братьев ваших и судите справедливо, как брата с братом, так и пришельца его; не различайте лиц на суде, как малого, так и великого выслушивайте: не бойтесь лица человеческого, ибо суд – дело Божие». И далее: «И произойдет отрасль от корня Иессеева, и ветвь произрастет от корня его; и почиет на нем Дух Господень, дух премудрости и разума, дух совета и крепости, дух ведения и благочестия; и страхом Господним исполнится, и будет судить не по взгляду очей Своих и не по слуху ушей Своих решать дела. Он будет судить бедных по правде, и дела страдальцев земли решать по истине; и жезлом уст Своих поразит землю, и духом уст Своих уьбет нечестивого».

Необходимость справедливого возмездия отражает взаимосвязи юридической ответственности и религии, которые дополняют друг друга и влияют на развитие общественных отношений. В религии заложены критерии справедливости, которые с течением времени находят свое закрепление в системе юридической ответственности. Из религиозных текстов следует, что справедливость основывается на «премудрости», «истине», «разуме», т. е. категориях этических и нравственных. В религиозных нормах содержится призыв любви к ближнему, пожертвованиям в пользу малоимущих, чистым побуждениям и помыслам.

Принцип гуманизма, как и принцип справедливости, относится к нравственно-юридическим категориям и означает, прежде всего, признание человека как личности, утверждение его блага, он непосредственно закреплен в Основном Законе нашего государства: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства» (ст. 2). В другой статье Конституции РФ указано: «Никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию». Гуманизм юридической ответственности многогранен и распространяет свое действие как на лицо совершившее преступление, так и на потерпевшего. Исходя из критериев гуманизма закреплено конституционное ограничение смертной казни. Так, «смертная казнь впредь до ее отмены может устанавливаться федеральным законом в качестве исключительной меры наказания за особо тяжкие преступления против жизни». По своей сути гуманизм означает милосердное и человеческое отношение ко всем субъектам юридической ответственности. Его конкретные проявления выражаются в: запрете пыток; установлении системы льгот для отдельных категорий лиц, совершивших правонарушения; наличии исключений из общих правил исходя из особых характеристик субъекта правонарушения. При этом само установление юридической ответственности, а не только ее применение должно происходить на основе милосердия и человеколюбия. Однако гуманизм не означает всепрощения. Он тесным образом связан с неотвратимостью юридической ответственности, но неотвратимостью гуманной. Принципы юридической ответственности необходимо рассматривать не изолированно, а в определенной системе и взаимосвязях.

Христианская религия связывает гуманизм и человечность с категорией «любовь к ближ-

нему». Следовательно, гуманные начала религиозной ответственности выражаются в правилах жизни, которые призывают к добру, милосердию и отвращают человека от зла. Требования принципа гуманизма религиозной ответственности заключаются в запрете жестокости, проявлении уважения и милосердия вне зависимости от тяжести греха, уважения к покаявшемуся. При необходимости он может заключаться в самопожертвовании. «Нет большей любви, кто положит жизнь свою за друзей своих». Идея христианской религии – обращение к человеку, его духовности, высоту которой открывает ему воплощенный Богочеловек. Сама Жертва Иисуса, который принял смертные муки для искупления грехов человечества, показывает меру гуманизма религии.

Заповеди, закрепленные в религиозных текстах, содержат исповедь главного Закона: «Более же всего имейте усердную любовь друг ко другу, потому что любовь покрывает множество грехов. Служите друг другу, каждый тем даром, какой получил». Или: «Люби ближнего твоего, как самого себя. Любовь не делает ближнему зла; итак, любовь есть исполнение закона».

Принцип гуманизма реализуется в требованиях Церкви проявлять гуманность к правонарушителям, подозреваемым. Именно на принципе гуманизма основывается обязанность священнослужителя сохранять тайну исповеди. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви указывают, что Церковь, «не становясь судьей человеку, преступившему закон, призвана нести попечение о его душе. Именно поэтому она понимает наказание не как месть, но как средство внутреннего очищения согрешившего»¹.

Гуманизм религиозной и юридической ответственности обладает общими характеристиками. Во-первых, они отражают мораль и гуманизм юридической ответственности, которая во многом основывается на гуманизме религиозной ответственности. Во-вторых, оба принципа исходят из критериев милосердия, прощения, человеколюбия и уважения достоинства человека.

Противоречия правового и религиозного регулирования

Взаимодействие правовых и религиозных норм не является бесконфликтным процессом. В. И. Нижечек, посвятивший ряд работ проблемам права в системе нормативного регулирования общественных отношений, специально ука-

зывает: «Признание комплексного характера нормативного регулирования отнюдь не исключает того, что при регулировании отдельных общественных отношений между разными видами социальных норм могут возникнуть определенные противоречия» [16, с. 409]. Для целей исследования необходимо обратиться к значению слова «противоречие». Так, С. И. Ожегов в своем словаре понятие «противоречие» рассматривает «как положение, при котором одно (высказывание, мысль, поступок) исключает другое, не совместимое с ним» [17, с. 552]. Философы под противоречием понимают «категорию диалектики, выражающей внутренний источник всякого движения, корень жизненности, принцип развития» [2, с. 236]. Для нашего исследования важно уяснить, что противоречия не являются статическим, застывшим явлением, они находятся в постоянном движении, обуславливают изменчивость самих общественных отношений. Одни противоречия исчезают, другие изменяются, происходит постоянный процесс появления новых конфликтов между правовыми и религиозными нормами.

Обратимся к причинам противоречий между правовыми и религиозными нормами. Некоторые ученые причины противоречий видят в свойстве формальной определенности норм права. Так, наличие данного свойства у правовых норм, с одной стороны, исключает возможность их реализации при отсутствии условий, указанных в гипотезе, но, с другой стороны, схожие правила поведения должны быть реализованы с позиции православия. Не являются исключением и ситуации, когда правовые нормы реализуются, но в противоречии с религиозными нормами. Противоречия между правовыми и религиозными нормами возникали и будут возникать всегда в течение всего периода их совместного действия. Существует много факторов, которые создают причины противоречий между отдельными нормами права и нормами религии, в определенной степени это естественное состояние их совместного существования. Одинаковым образом неверно недооценивать или переоценивать такие противоречия и их воздействие на совместное развитие и изменение религиозного и правового регулирования общественных отношений.

В. И. Нижечек считает, что причины противоречий между правом и религией кроются в различной динамике их развития: «Процесс развития правового регулирования характеризуется известной скачкообразностью, спорадичностью. Каждый случай принятия нового нормативного акта или отмены старого вносит в него определенные изменения. Во вновь установленной

¹ Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. М.: Отдел внешних церк. связей Моск. Патриархата, 2008. С. 104.

правовой норме учитываются (или, по крайней мере, должны учитываться) объективные потребности общественного развития, а сама норма отвечает (или должна отвечать) этим потребностям» [16, с. 339]. Религиозное регулирование более консервативно. Процесс развития и изменения норм религии постепенный и непрерывный. Для религиозного регулирования не характерны такие кардинальные способы, как отмена закона, принятие новых норм, признание тех или иных норм, не соответствующими религиозному акту более высокой юридической силы. Для религиозного регулирования не характерны быстрые и радикальные изменения, оно не подстраивается под постоянно изменяющиеся общественные отношения. Вместе с тем Церковь не может полностью не учитывать современные условия и динамично изменяющийся мир. Определенные преобразования она одобряет, по некоторым категорически высказывается против, а к третьим изменениям относится нейтрально. Впрочем, такая реакция свойственна и праву. Изменение общественных отношений может приводить к их закреплению в правовых нормах или их запрещению в случаях, если они опасны для общества, а когда право не в состоянии урегулировать общественные отношения, то оно остается нейтрально к их существованию. Следует отметить, что в 2000 г. Архиерейский Собор Русской Православной Церкви принял «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви». В Основях содержится отношение Церкви к существующим проблемам общества и взаимодействию государства и Церкви.

Правотворческий процесс обладает своей спецификой, что обуславливает другие противоречия между религиозными и правовыми нормами. Предмет противоречий составляют различные способы и методы регулирования, критерии оценки поведения субъектов общественных отношений, разная оценка требований правовых и религиозных норм членами общества. Как указывает В. И. Нижечек, в процессе развития общества (на его определенном этапе) может возникать такое состояние, когда требования религиозной нормы существуют в сознании субъектов, но они не закреплены в нормах права, а сам процесс введения в действие норм права не является автоматическим и всегда обусловленным общественным сознанием. При этом правотворческий процесс достаточно сложен и длителен [16, с. 343]. Особенности процесса создания и усвоения правовых и религиозных норм всегда будут приводить к определенным противоречиям между правом и религией.

Другие ученые, например В. В. Клочков, полагает, что причины противоречий между правом и религией обусловлены постоянным усложнением общественных отношений, новыми тенденциями общественного развития, различным уровнем правового и религиозного сознания субъектов права [6, с. 102].

Для определения природы противоречий обратимся к определению нормы права, под которой понимается «формально определенное правило поведения, направленное на урегулирование общественного отношения, обязательное для исполнения» ее адресатами [12, с. 280; 15, с. 339]. Соблюдение или исполнение правила поведения охраняется возможностью применения мер государственного принуждения. Правило поведения носит общий характер и в нем невозможно учесть все особенности, которые возникают в тех или иных жизненных ситуациях. Нормы православной религии чаще выступают как общие принципы поведения, они менее формализованы, а потому более приближены к человеку, что дает возможность учитывать те или иные особенности общественных отношений.

Изменение законодательства может приводить к возникновению противоречий, так как религиозные каноны указывают только на общее направление человеческой воли и границы отношения человека к человеку. Верующие мотивированы на нравственные устремления в соответствии с совестью. Поэтому так разнятся люди в исполнении религиозных запретов, когда одни соблюдают их формально, а другие направлены на служение Богу и ближнему. Внести в религиозные каноны абсолютно точные требования – значит исказить принципы религиозных норм, так как человек свободен в выборе соблюдения и исполнения заповедей. В нормах права, наоборот, определены конкретные правила поведения, нарушения которых влечет применение мер государственного принуждения.

Сравним некоторые признаки юридических и религиозных норм, в частности запреты, которые содержатся как в правовых, так и в религиозных нормах. Правовые нормы динамичны и содержащиеся в них запреты быстро изменяются. С позиции права одно и то же действие может рассматриваться как преступление, через определенный период времени оно уже является административным правонарушением, а затем за его совершение может быть устранена юридическая ответственность. Возможно и обратное. Так, деяние, к которому право относится нейтрально по воле законодателя, может стать административно или уголовно наказуемым.

Нормам религии не свойственна такая динамичность, а предусмотренные ими запреты носят более стабильный характер. Не любые изменения в правовом регулировании общественных отношений (например, законодательные новеллы) влекут автоматическую перестройку в других звеньях нормативного регулирования общественных отношений [16, с. 339]. Взаимодействие между запрещающими нормами, содержащимися в праве и религии, носит сложный характер и не исключает определенных противоречий. К примеру, право, предусматривающее точные правила поведения, не всегда обеспечивает одинаковый подход к вынесению судебных решений, так как оно зависит и от нравственности самих судей, которые при схожих правовых спорах могут выносить прямо противоположные решения.

Определенность правовых норм необходима для реализации права в разнообразных жизненных ситуациях. Характеристики организованного порядка правовой материи отражают его позитивный характер, а угроза применения наказания подчеркивает принудительность. В этом проявляется еще одно противоречие права и религии, так как последняя призывает к свободному исполнению заповедей, без отсутствия контроля со стороны власти и принуждения. Такое противоречие обуславливает потребности обособления правовых норм от религиозных. К примеру, так происходит, когда верующий не признает авторитетность общественного мнения и выбирает свободу действий на основе собственных моральных убеждений, что может являться причиной конфликта религиозного сознания верующего и общественного сознания. Если со стороны общества следуют принудительные меры в целях поддержания этических требований, то возникает внутренний конфликт с субъектами, которые не согласны с такими требованиями. Для истинно верующего субъекта нравственно трудно поступать вопреки своим убеждениям. В результате возникают глубокие внутренние противоречия между требованиями правовых норм и нравственными убеждениями.

Общеизвестно, что мораль является одной из основ права, но последнее закрепляет не все моральные требования. «Представления людей о добре и зле так менялись от народа к народу, от века к веку, что часто прямо противоречили друг другу» [10, с. 439]. Так складывалось, что право те или иные действия дозволяло, а религия запрещала. Ввиду таких противоречий регулятивный и воспитательный потенциал права и религии снижается, а если вернуться к принятию судебных решений, то внутренний кон-

фликт самого судьи может затруднять вынесение решений.

Общественное развитие обуславливает разграничение права и морали, но оно не может и не должно исключать их взаимодействия. Ученые как древности, так и современности всегда отмечали противоречия между христианской моралью и правовыми нормами, причем ряд противоречий заключается в совершенной несовместимости религиозных и правовых норм. Так, Нагорная проповедь Христа, в которой говорится о христианской любви, фактически отрицает любой закон, в том числе и ветхозаветный. Однако такие радикальные изменения в самих религиозных нормах – явление очень редкое, когда одни устои приходят на смену другим.

Апостол Павел указывал, что вера может оправдывать человека вне зависимости от закона. Поэтому по поводу В. Н. Пономарева считает, что это относится к объективному праву, т. е. юридическим нормам, закрепленным в законе. При этом закон может носить несправедливый характер, вступать в противоречие с общими правовыми принципами права, т. е. являться неправовым [19, с. 36]. Апостол Павел говорит не о позитивном, а о естественном праве, которое не зависит от волеизъявления государства и дано человеку от рождения: «Язычники, не имеющие закона, по природе законное делают, то, не имея закона, они сами себе закон, они показывают, что дело закона у них написано в сердцах, о чем свидетельствует совесть их и мысли их, то обвиняющие, то оправдывающие одна другую». В послании апостола Павла к римлянам указывается, что варвары и римляне – это люди. Таким образом, в Новом Завете переносится «центр тяжести» с культа формализма на субъективное и естественное право, требования которого исполняются всеми исходя из своих внутренних убеждений, а не принуждения. Совесть индивида, духовное сознание, внутренние мотивы уважения ставятся выше формализма закона и нормативных притязаний. В словах Христа мы можем найти подтверждение этому: «Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что очищаете внешность чаши и блюда, между тем, как внутри они полны хищения и неправды. Фарисей слепой, очисти прежде внутренность чаши и блюда. Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что уподобляетесь окрашенным гробам, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвых и всякой нечистоты. Так и вы по наружности кажетесь людьми праведными, а внутри исполнены лицемерия и беззакония».

Новый Завет стремится переориентировать человека на внутренний, духовный, мир, но без

отрицания закона юридического, что закрепляется в первом послании апостола Петра. В нем говорится, что все добрые дела следует делать тайно, так, дабы «левая рука не знала, что делает правая, и тогда Отец твой, всевидящий тайное, воздаст тебе явно». Особая ценность придается работе над внутренней мотивацией. Так, утверждается ценность человека. Апостол Петр говорит: «...да будет украшением вашим не внешнее плетение волос, не золотые уборы или нарядность в одежде; но сокровенный сердца человек в нетленной красоте кроткого и молчаливого духа, что драгоценно пред Богом». Признается христианская идея равенства людей вне зависимости от социального положения или жизненных обстоятельств. Для Христа все равны: «Кто из вас имел одну овцу, если она в субботу упадет в яму, не возьмет ее и не вытащит. Сколько же лучше человек овцы».

Новый Завет отразил тенденции, касающиеся соотношения права и религии, основанные на христианской культуре и этике. Можно отметить обеспечение защиты прав и свобод человека как личности автономной, идею о недопустимости превращения государства в «ночного сторожа», который призван лишь охранять права человека, так как это не соответствует началам любви и общественному долгу, которые несет православная вера.

Государство не должно превращаться в карательный механизм, его роль заключается в организации социальной жизни, улучшении материальных условий жизнедеятельности граждан, в воспитании социальной активности и удовлетворении духовных потребностей [33, р. 420]. Соблюдение религиозной морали находится в сфере позитивной социальной ответственности личности [49, р. 41].

В настоящее время в России в результате реформ произошел дисбаланс в взаимодействии социальных систем, в том числе в правовой и религиозной. Следствием этого выступают такие негативные явления, как правовой нигилизм, неуважение к закону, деформация правосознания; низкая общая и правовая культура. Игнорирование исторических и духовных традиций привело к разрушению системы нравственных ценностей. Внимание властей направлено на разрешение материальных проблем, а до духовных, образно говоря, «руки не доходят». А. Салуцкий полагает, что недооценка значения нравственных и духовных начал в любом государстве со временем может обернуться негативными последствиями [21]. Кризисные явления в материальной сфере вторичны по отношению к кризису духовному. Нравственный кризис опаснее упадка в производстве. В нашей стране «никогда ни одна

власть не была в состоянии предотвращать падение, поднимать рухнувшую страну, восстанавливать разрушенную государственность без призывов к высоким духовным и нравственным целям» [24, с. 180]. «Сбои» в моральной сфере особенно пагубны для страны, так как они отражаются на ее будущем, отмечает О. И. Цыбулевская [24, с. 48]. Миссия Церкви состоит в улучшении нравственного и духовного состояния общества, а следствием является и изменение материальной составляющей, что сформулировано в «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви».

В монографии «Вера и закон: примирение права и религии» американский исследователь Гарольд Дж. Берман указывает на кризис духовности, анализируя ценности религии и ценности права. Им отмечается, что к вере и религии стало принято относиться как к личным потребностям, в контексте того, как человек борется со своим одиночеством. К праву, наоборот, отношение как к общественному и политическому, которое весьма косвенно связано с нравственными ценностями и идеалами. «Вся наша культура, похоже, столкнулась с возможностью своего рода нервного срыва. Одним из главных симптомов этого угрожающего нам срыва является массовая утрата доверия к праву – не только со стороны его потребителей, но и со стороны законодателей и «распространителей» права» [3, с. 12]. Причины такого нигилистического отношения находятся в самом либерализме права и во внутреннем разочаровании, что в итоге приводит к безнравственности в различных сферах человеческих отношений.

Либеральное гуманистическое понимание права отнюдь не всегда связано с нравственной, духовной и религиозной ответственностью. Е. М. Ковшов верно отмечает, что «мировоззренческой основой такого гуманизма является представление об абсолютном достоинстве человека, о наличии универсальных общечеловеческих ценностей, которые должны стать основой единой мировой цивилизации» [7, с. 82]. В число общечеловеческих ценностей многие включают не только моральные, присущие всем религиям, но и, как указывает митрополит Илларион, «многие спорные с религиозной точки зрения идеи, укорененные в либерально-гуманистической морали. К последним относится, в частности, утверждение о праве каждой личности на свой образ жизни, простирающемся настолько далеко, насколько это не наносит ущерба другим»¹. Либеральная идеология раз-

¹ Интервью с епископом Илларионом // Здравый смысл. 2006. № 3. С. 34–36.

решает вседозволенность, а рамками свободы субъекта она считает нарушения прав и свобод других людей. Заповеди же религии направлены на преодоление греховности как своей, так и по отношению к другим: у личности нет права на духовную деградацию. В Священном Писании указывается на необходимость скромности и умеренности в поведении: «главная потребность для жизни – вода и хлеб, и одежда и дом, прикрывающий наготу. Лучше жизнь бедного под досчатым кровом, нежели роскошные пиршества в чужих домах. Будь доволен малым, как и многим». И далее: «не ходи вслед похотей твоих и воздерживайся от пожеланий твоих. ... Не ищи увеселения в большой роскоши...» Известно, что основным законом, который определяет правовое положение субъектов гражданского оборота, является ГК РФ. В нем не регламентируется поведение скромности, он ее не ограничивает, как и не ограничивает умеренность, а также не связывает предпринимателя моральными нормами. Наоборот, предпринимательская деятельность определяется через цель – получение прибыли. В результате возникает стремление к излишней роскоши, которая не обременена традициями и моралью; идет демонстрация не только благосостояния, но и вседозволенности, что дискредитирует имидж российских граждан в глазах мирового сообщества. «Если будешь доставлять душе твоей приятное для вожделений, то она сделает тебя потехою для врагов твоих». Не про такое ли поведение говорится в Священном Писании.

В «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви» понятие греха шире, чем законодательное закрепление различных видов правонарушений. По УК РФ, преступлением не считается «действие (бездействие), хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного настоящим Кодексом, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности». Мысли и помыслы не являются уголовно наказуемыми. Православие запрещает даже мысленные грехи: «Всякий, ненавидящий брата своего, есть человекоубийца». Или: «Всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем».

Существуют и другие противоречия между правом и религиозной моралью. Так, убийством со смягчающими обстоятельствами, по УК РФ, считается «убийство матерью новорожденного ребенка во время или сразу после родов» (ст. 106). Считается, что психика женщины в результате родов травмируется и носит нестабильный характер, а в особенности если беременность была нежелательной или родившейся

ребенок внебрачный. С позиции Церкви в таком убийстве нет смягчающих обстоятельств. И аборт считается убийством, а соответственно, тяжелым грехом. Плод считается творением Бога. «Ты устроил внутренности мои, и соткал меня во чреве матери моей... Не сокрыты были от Тебя кости мои, когда я созидаем был в тайне, образуем был во глубине утробы. Зародыш мой видели очи Твои». Аборт, согласно каноническим правилам, считается убийством, человек, производящий аборт, а также мать посягают на будущую человеческую личность. По каноническим правилам, греховным считается и отец, который дал согласие на производство аборта. Согласно «Основам социальной концепции Русской Православной Церкви», деяние врача, производящего аборт, также считается греховным.

Рассмотрим законодательную регламентацию аборта. В статье 56 ФЗ РФ № 323-ФЗ от 21 ноября 2011 г. «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»¹ указывается, что «Каждая женщина самостоятельно решает вопрос о материнстве». Прерывание беременности при сроках до 12 недель производится на основании волеизъявления женщины, а до 22 недель – на основании социальных показаний и согласия женщины. Налицо противоречие права и религиозной морали. С позиции Церкви оправдание абортов представляет угрозу для человечества и показывает степень деградации общества, так как долгом общества является защита будущего человечества, его воспроизводства.

С позиции православия под абортom понимается и употребление контрацептивов, которые прерывают только зародившуюся жизнь на самых ранних стадиях. Применение иных средств, которые просто предотвращают беременность, социальная концепция Русской Православной Церкви не приравнивает к аборту. При этом преднамеренный отказ от рождения детей, который обусловлен эгоистическими побуждениями, считается грехом.

Эвтаназия и заповедь «Не убий»

Из заповеди «Не убий» следует запрет эвтаназии. Между тем считается необходимым оказание паллиативной помощи (применение обезболивания, надлежащий уход, психологическая поддержка и т. п.). Однако, побуждая оказывать паллиативную помощь, христианская мораль в то же время запрещает преднамеренное умерщвление больного. Слово «эвтаназия» образовалось от греческих «eu», т. е. хорошо и «thanatos» – смерть. Таким образом, слово объ-

¹ Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 48, ст. 6724

единило понятия, которые в принципе не совместимы, так как буквальное толкование приводит к мысли о «хорошей смерти». Медицинский и юридический термины несут в себе противоречия. С позиции Церкви смерть не может быть хорошей, так как жизнь дана свыше. При эвтаназии больной желает, чтобы его смерть ускорила, находясь, как правило, в состоянии депрессии, что затрудняет ему оценить верность принятия решения и соотносить с существующими моральными и религиозными правилами свое поведение. Церковь рассматривает эвтаназию как одну из форм самоубийства, а действия медицинского персонала определяет как убийство. По существующим канонам самоубийство – самый тяжкий грех, а самоубийца лишается в будущем погребения по христианским традициям и литургического поминовения. Мы изложили позицию Церкви по данному вопросу. Рассмотрим регламентацию права по вопросу эвтаназии, для чего обратимся к самому понятию «эвтаназия».

Эвтаназия может быть активной и пассивной. В случае активной эвтаназии врач по просьбе больного ускоряет его смерть (делает смертельную инъекцию, отключает аппараты искусственного обеспечения и т. д.). С правовой точки зрения сложно определить, где находится та грань, за которой эвтаназия перерастает в убийство. Пассивная эвтаназия характеризуется тем, что по желанию больного ему не оказывается необходимая медицинская помощь. В Швейцарии, Австралии, в ряде штатов США (например, в штате Оригон) разрешена пассивная эвтаназия.

В нашей стране, на основании ФЗ РФ № 323-ФЗ от 21 ноября 2011 г. «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», как пассивная, так и активная эвтаназия запрещены. Так, статьей 45 указанного закона запрещается медицинским работникам ускорение смерти пациента по его просьбе различными действиями, в том числе и посредством прекращения искусственных мероприятий по поддержанию жизнедеятельности пациента. На наш взгляд, в названном законе заложены определенные противоречия. В частности, в ст. 19–20 закреплено право пациента, а также его законного представителя отказаться от медицинской помощи или он может потребовать ее прекращения. Поэтому и возникает ситуация, которая схожа с пассивной эвтаназией, когда врачи не ускоряют смерть безнадежного больного, но и не оказывают помощи в целях продления жизни, т. е. способствуют тому, чтобы он ушел жизни. Поэтому врач может встать перед дилеммой: соблюдать закон или выполнить клятву Гиппократова, требования религиозных норм –

спасать человека, оказывать ему помощь. В этой связи остаются ущемленными и права пациентов, которые должным образом не защищены от возможного нарушения или злоупотребления со стороны медицинского персонала.

Противоречия, обусловленные сексуальной свободой

Сексуальная свобода – категория этическая, юридическая, моральная и сложна для обсуждения. Истории отечественного государства и права известно немало примеров законодательной нестабильности по данному вопросу, которую можно условно выстроить «по схеме: репрессии – либерализация и декриминализация – ужесточение и новые репрессии» [28, с. 144]. Для аксиологического анализа права на сексуальную свободу необходимо ответить на некоторые вопросы. Во-первых, выступает ли она ценностью либо антиценностью. Во-вторых, представляет ли сексуальная свобода угрозу для религиозных, культурных и иных обычаев, норм и правил поведения. В-третьих, какие последствия могут наступить для семьи, брака, детей в результате сексуальной свободы. В-четвертых, связаны ли репрессивность и сексуальная свобода с деторождением, увеличением населения [28, с. 146]. Церковь и так называемые борцы за сексуальную свободу по-разному отвечают на данные вопросы.

В понятие «сексуальная свобода» может вкладываться различное содержание. Кроме того, оно часто не раскрывается. Декларация сексуальных прав и свобод человека, указывает: «Сексуальные права человека нуждаются в таком же признании, соблюдении и защите, как и политические, гражданские, социальные, экономические и культурные права человека, уже признанные международным сообществом, многонациональным российским народом и закрепленные в международных документах по правам человека и в Конституции РФ»¹. Декларация предусматривает право каждого «на сексуальную свободу и сексуальную неприкосновенность и свободу выбора своей сексуальной ориентации». Существуют и другие акты по данному вопросу. Так, Всемирная сексологическая ассоциация на конгрессе, проходившем в Валенсии, приняла Декларацию сексуальных прав. В ней отмечается, что сексуальные права относятся к числу фундаментальных и всеобщих, а сексуальная свобода «включает возможность полностью выразить свой сексуальный по-

¹ Декларация сексуальных прав и свобод человека: принята на заседании сексологической ассоциации «Культура и здоровье» 26 дек. 2002 г. URL: <http://www.liveinternet.ru/users/jackcolt/post43803781/> (дата обращения: 03.10.2017).

тенциал, однако исключает все формы сексуального принуждения, эксплуатации и злоупотребления в любое время и в любых жизненных ситуациях»¹. Статьи 2 и 3 указанного акта предусматривают «право на свободу и безопасное распоряжение собственным телом для получения наслаждения», закреплено также и право на уважение той или иной сексуальной ориентации.

Отношение православия к такой свободе прямо противоположное. Общеизвестна библейская катастрофа городов Содомы и Гоморры, которые были разрушены по воле Бога за противоестественное половое поведение людей, которые в них проживали. А. А. Тер-Акопов указывает, что в нашем обществе существует молчаливое согласие, что способствует гомосексуализму, иному разврату, и самое негативное, что такая сексуальная «культура» стала проникать в школы. Правила, которые закреплены в нормах права, предусматривают реакцию только в случаях насилия и (или) если такие деяния совершены в отношении несовершеннолетних. Историей уголовного права стали нормы об ответственности за мужеложство, скотоложство и за иные противоестественные сексуальные отношения [23, с. 68]. Только Уголовно-исполнительный кодекс РФ предусматривает дисциплинарную ответственность осужденных за лесбиянство и мужеложство (ст. 116).

Позиция Церкви по данным вопросам однозначна. Она считает такие отношения греховными и противоестественными. «Сексуальная свобода, которая провозглашается сторонниками свободной любви, создает угрозу тысячелетним религиозным и культурным обычаям и способствует подавлению духовного и нравственного начала, низводя тем самым человека до уровня животного, руководствующегося лишь инстинктом»². Такие отношения разрушают устои семьи, брака, подрывают нравственность и отрицательно сказываются на демографической проблеме, а ведь состояние воспроизводства населения в нашей стране оставляет желать лучшего.

Противоречия, обусловленные репродуктивными технологиями

Еще одно противоречие обусловлено вспомогательными репродуктивными технологиями и отношением Церкви к вопросам таинства создания новой жизни. ФЗ РФ «Об основах охраны здоровья граждан в РФ» предусматривает

право мужчин и женщин, состоящих в браке, а также одиноких женщин на применение вспомогательных репродуктивных технологий в случае взаимного согласия и информирования. Рождение и вынашивание ребенка допускается суррогатной матерью, которой перенесли донорский эмбрион. Рождение и вынашивание ребенка осуществляется на основании заключенного договора (ст. 55). С позиции Церкви такое воспроизводство человеческого рода противоречит замыслу Творца жизни, оно осуждается Церковью и считается недопустимым с позиции норм религии, а также моральных норм. Кроме того, суррогатное материнство может приносить моральные страдания женщине, которая вынашивает плод, подрывать ее чувство материнства, а у ребенка в будущем может появиться «кризис самосознания». Однако некоторые технологии Церковь считает допустимыми. Например, искусственное оплодотворение женщины половыми клетками мужа, так как эта процедура отвечает ценностям брачного союза.

Развитие общественных отношений, правовых норм продуцирует новые противоречия. В России активно продвигаются идеи ювенальной юстиции, которые в принципе чужды нашему менталитету. Русская Православная Церковь исследовала особенности ювенальной юстиции, действующей в ряде зарубежных стран, и пришла к выводу, что права детей искусственно противопоставляются правам родителей. С позиции Церкви это противоречит основам семейных отношений, которые заложены в Библии. Свое отношение по данному вопросу Церковь выразила в акте «Позиция Русской Православной Церкви по реформе семейного права и проблемам ювенальной юстиции», который был принят Архиерейским Собором Русской Православной Церкви 4 февраля 2013 г. Церковь рекомендует в случаях нарушения права родителей на воспитание и необоснованного вмешательства в дела семьи обращаться в *епархиальные структуры*, когда необходимо общецерковное рассмотрение – в комиссию Патриарха по вопросам защиты материнства и детства. Можно отметить, что сама идея ювенальной юстиции чужда менталитету российского общества, а западные ценности при их искусственном внедрении в правовую систему могут принести только вред существующим общественным отношениям.

Выводы

1. Взаимодействие правового и религиозно-православного регулирования выражается в наличии у них общих целей, функций, результатов, также их связывает функция легитимации,

¹ Декларация сексуальных прав: принята 10 июня 1997 г. на Всемирном сексологическом конгрессе в Валенсии. URL: <http://monitoring.mhg.ru/sites/default/files/files/lgbt-final.pdf> (дата обращения: 03.10.2017).

² Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. С. 14.

которую религиозные нормы могут выполнять по отношению к правовым нормам. Религиозную и юридическую ответственность объединяют общие моральные установки, которые отражены в принципах справедливости и гуманизма, функциях регулирования, восстановления, кары, воспитания, предупреждения и наличия общих целей. Как юридическая, так и религиозная ответственность обладают позитивным и негативным аспектом реализации.

2. С широких общесоциальных позиций религиозная и юридическая ответственность (как целостные социальные явления) представляют собой объективно закрепленные в системе норм ориентиры должного поведения и критерии оценки как ответственного или безответственного поступка субъектов общественных отношений, что дает возможность лицам, еще не совершившим значимого с позиции религиозных или юридических норм деяния, заранее предполагать последствия поступка, что ориентирует их к выполнению предписаний религиозных и социальных норм.

3. По объектам своего воздействия масштаб религиозно-православной ответственности больше, в сравнении с юридической, для которой имеет значение только внешнее проявление (поведение, поступок, деятельность), тогда как религиозная ответственность регулирует и внутренний мир субъекта. С позиции религиозной ответственности, ответственным или безответственным может быть не только поведение, но и внутренний мир субъекта. Религиозная ответственность, регулируя внутренний мир субъекта, отношение к существующим ценностям, которые в большей части совпадают с ценностями, закрепленными в правовых нормах дополняет действие регулятивной и превентивной функций юридической ответственности.

4. Нормы христианского православия и нормы права характеризуются внутренними противоречиями, которые могут проявляться по нескольким направлениям. Во-первых, нормы права носят властный характер, обеспечиваются принудительной силой государства, а нормы религии основаны на свободном исполнении, без контроля и принуждения. Во-вторых, ряд правовых норм совершенно несовместимы: что дозволяет право, может запрещать религиозная мораль и наоборот. В-третьих, религиозные заповеди распространяются не только на поведение, но и на внутренний мир человека. В-четвертых, границей свободы личности являются права и свободы других людей, а нормы религии направлены на преодоление греха не только в себе, но и по отношению к другим людям.

5. Причины противоречий между нормами религии и права обусловлены следующими факторами. Во-первых, неравномерным развитием и изменением правовых и религиозных норм, отсутствием у религиозного регулирования радикальных способов изменения существующих религиозных правил поведения. Во-вторых, особенностями содержания самих правовых норм. Нормы религии в большей степени используют обязанности и запреты, а в меньшей – дозволения; демократизация общества свидетельствует о расширении сферы дозволенного в правовом регулировании общественных отношений. В-третьих, несовершенством как религиозных, так и правовых норм, а также противоречиями, существующими в общественных отношениях.

6. Пути и средства устранения противоречий видятся в возрождении утраченных моральных норм, в их формировании в общественном сознании, а также в совершенствовании действующего законодательства, привидении его в соответствие с требованиями религиозных норм, которые прочно утвердились в обществе.

Библиографический список

1. Абдусамедов А. И., Алейник Р. М., Алиева Б. А. и др. Атеистический словарь / под общ. ред. М. П. Новикова. М.: Политиздат, 1985. 512 с.
2. Альтман В. А., Арзакьянц В. В., Арман И. П. и др. Краткий философский словарь / под ред. М. Розенталя и П. Юдина. 3-е изд. М.: Политиздат, 1951. 615 с.
3. Берман Г. Дж. Вера и закон: примирение права и религии. М.: Ad Marginem, 1999. 431 с.
4. Головкин Р. Б. Правовое и моральное регулирование частной жизни в современной России: дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2005. 516 с.
5. Кант И. Сочинения: в 6 т. М.: Мысль, 1965. Т. 4. 544 с.
6. Клочков В. В. Религия и право. М.: Мысль, 1978. 287 с.
7. Ковшов Е. М. Понимание прав человека в либеральной и религиозной идеологии // Философия ценностей: религия, право, мораль в современной России: материалы IV Междунар. конф. (Курган, 10–11 апр. 2008 г.). Курган: Изд-во Курган. ун-та, 2009. С. 80–90.
8. Кулапов В. Л., Медная Ю. В. Поднормативное правовое регулирование. Саратов: Изд-во СГАП, 2009. 200 с.
9. Кирилл, Патриарх Московский и Всея Руси. Свобода и ответственность: в поисках гармонии. Права человека и достоинство личности.

- М.: Отдел внешних церков. связей Моск. Патриархата, 2008. 240 с.
10. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: Изд-во полит. лит., 1961. Т. 20. 858 с.
  11. Марченко Н. М., Лейст О. Э. и др. Общая теория государства и права: акад. курс лекций / под ред. М. Н. Марченко М.: Зерцало, 1998. Т. 2. 640 с
  12. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права: учебник. М.: Юрист, 2009. 510 с.
  13. Матузов Н. И. Право как мера свободы и ответственности личности // Атриум. Сер.: Юриспруденция. Тольятти: МАБиБД, 1999. № 1. С. 20–26.
  14. Милош Н. Правила Святых Апостолов и Святых Отцов с толкованиями. М.: Паломник, 1998. 210 с.
  15. Нерсесянц В. С. Общая теория права и государства. М.: Норма: Инфра-М, 2010. 560 с.
  16. Нижечек В. И. Советское право в системе нормативного регулирования социальных общественных отношений. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1973. 455 с.
  17. Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Рус. яз. 1985. 917 с.
  18. Павлов А. Курс церковного права. Св. Троицкая Лавра: Собственная тип., 1902. 539 с.
  19. Пономарева В. П. Право и религия в системе нормативного регулирования // Право: история, теория, практика: сб. ст. и материалов. Брянск: Изд-во Брян. ун-та, 2007. Вып. 11. С. 30–38.
  20. Путилкин П. А. Соотношение правового и религиозно-православного регулирования общественных отношений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2013. 24 с.
  21. Салуцкий А. За оптимизм! // Парламентская газета. 2003. 10 янв.
  22. Сырых В. М. Теория государства и права. М.: Юстицинформ, 2012. 704 с.
  23. Тер-Акопов А. А. Христианские начала и их развитие в российском праве // Российская юстиция. 2001. № 7. С. 64–69.
  24. Цыбулевская О. И. Нравственные основания современного российского права / под ред. Н. И. Матузова. Саратов: СГАП, 2004. 409 с.
  25. Черных Е. В. О нормативном характере юридической ответственности // Вопросы теории государства и права. 1998. Вып. 1(10). С. 80–82.
  26. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. 3-е изд. М.: Рус. яз., 1999. Т. 2. 624 с.
  27. Шабуров А. С. Политические и правовые аспекты социальной ответственности личности: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1992. 402 с.
  28. Шишманов И. А. Ценности и антиценности сексуальной свободы с уголовно-правовой точки зрения // Философия ценностей: религия, право, мораль в современной России: материалы IV Междунар. конф. (Курган, 10–11 апр. 2008 г.). Курган: Изд-во Курган. ун-та, 2009. С. 141–149.
  29. Юнг К. Г. Архетип и символ. М.: Ренесанс 1992. 208 с.
  30. Beckford J. Social Theory and Religion. Cambridge, 2003. 370 p.
  31. Bottoni R., Cristofori R. Religious Rules, State Law, and Normative Pluralism – A Comparative Overview. Berlin, 2016. 420 p.
  32. Calabresi G. The New Economics Analysis of Law: Scholarship, Sophistry, or Self-indulgence? // Proceedings of the British Academy. 1982. Vol. 68. Pp. 82–89.
  33. Chambliss W., Zatz M. Making Law: The State, the Law, and Structural Contradictions. Bloomington, 1993. 464 p.
  34. Cohen Charles L., Numbers Roland L. Gods in America Religious Pluralism in the United States. New York, 2013. 420 p.
  35. Dahn U., Gruel Zur K. Gestaltung der Rechte gegen Rechtsverletzungen. Zur Gestaltung der Rechte und Pflichten rechtlichen Verantwortlichkeit im Kampf gegen Rechtsverletzungen // Staat und Recht. 1972. Issue 2. Pp. 206–216.
  36. Dorff Michael B. Why welfare depends on fairness: A reply to Kaplow and Shavell // Southern California Law Review. 2002. Vol. 75. Pp. 847–900.
  37. Durkheim E. Sociologist of modernity / ed. by M. Emirbayer. Oxford, 2003. 306 p.
  38. Geertz C. The Religion of Java. Chicago, 1960. 421 p.
  39. Gerrad M. B. What are Public-Private Partnerships, and How Do They Differ from Privatizations? // Finance & Development. 2001. Vol. 38. Issue 3. Available at: <http://www.imf.org/external/pubind.htm> (дата обращения: 10.10.2017).
  40. Grunawalt R. K. Conflicts of law and morality. New York, 1989. 338 p.
  41. Hanegraaff W. J. Defining Religion in spite of History // The Pragmatics of Defining Religion: Contexts, Concepts, and Contests / ed. by J. G. Platvoet, A. L. Molendij. Leiden, Boston, Koln, 1999. Pp. 337–378.
  42. Hayek F. A. Law, Legislation and Liberty: A New Statement of the Liberal Principles and Political Economy. Vol. 2: The Mirage of Social Justice. London; New York, 2012. 656 p.

43. *Hesselink M. W.* The General Principles of Civil Law: their Nature, Roles and Legitimacy // Centre for the Study of European Contract Law Working Paper Series. № 2011-14. Available at: <http://ssrn.com/abstract=1932146> (дата обращения: 10.10.2017).
44. *Hick E.* Evil and God of Love. London, 1975. 389 p.
45. *Jonas H.* Technik, Medizin und Ethik: zur Praxis des Prinzip Verantwortung. Frankfurt a. M., 1987. 324 s.
46. *Jonas H.* Das Prinzip Verantwortung. Versuch einer Ethik für die technologische Zivilisation. Frankfurt a. M., 1984. 432 s.
47. *Kaplow L., Shavell S.* Fairness versus Welfare // Harvard Law Review. 2001. Vol. 114. Pp. 990–991.
48. *Klein N.* Shock Therapy: The Rise of Disaster Capitalism. New York, 2007. 656 p.
49. *Lipinsky D. A.* Social Bases of Positive Responsibility // Sententia. European of Humanities and Social Sciences. 2015. Issue 3. Pp. 41–49.
50. *Lombardo S.* Regulatory competition in company law in the European Community. Prerequisites and limits. Frankfurt a. M., 2002. 236 p.
51. *MacIntyre A.* After Virtue: A Study in Moral Theory. Indiana, 1981. 308 p.
52. *Nozick R.* Anarchy, State and Utopia. New York, 1974. 430 p.
53. *Nussbaum M. C.* Human functioning and social justice: In defense of Aristotelian essentialism // Political Theory. 2000. Vol. 20, issue 2. Pp. 232–233.
54. *Posner A. R.* Utilitarianism, Economics and Legal Theory // Journal of Legal Studies. 1979. Vol. 8. Pp. 103–140.
55. *Richardson J. T.* The Social Construction of Legal Pluralism // Democracy and Security. 2011. Vol. 7, issue 4. Pp. 390–405.
56. *Ricoeur P.* Political and social essays / ed. by Stewart D., Bien J. Athens. Ohio, 1974. 239 p.
57. *Schmutzer R.* Probleme der Verantwortung aus arbeitsrechtlicher Sicht // Staat und Recht. 1973. Issue 3. S. 29–35.
58. *Schneider W.* Zum Verhältnis von Haftung und Verantwortlichkeit // Staat und Recht. 1972. Issue 10–11. S. 37–45.
59. *Spaak T.* Legal positivism, law's normativity, and the normative force of legal justification // Ratio Juris. 2003. Vol. 16, issue 4. S. 469–485.
60. *Stiller G.* Rechtliche Sanktionen Probleme ihrer Ausgestaltung und Anwendung // Neue Justiz. 1975. Issue 8. S. 219–237.
61. *Weber M.* Politik als Beruf / von Max Weber. Berlin, 1993. 661 s.
62. *Weiler W.* Zur Kategorie Verantwortung // Deutsche Zeitschrift Philosophie. 1965. Issue 8. S. 993–998.

References

1. *Abdusamedov A. I., Aleynik R. M., Alieva B. A. et al.* Ateisticheskiy slovar'; pod obshch. red. M. P. Novikova [Atheistic Dictionary; ed. by M. P. Novikov]. Moscow, 1985. 512 p. (In Russ.).
2. *Al'tman V. A., Arzak'yants V. V., Arman I. P. et al.* Kratkiy filosofskiy slovar'; pod red. M. Rozentalya and P. Yudina [Short Philosophical Dictionary; ed. by M. Rozental and P. Yudin]. Moscow, 1951. 615 p. (In Russ.).
3. *Berman H. J.* Vera i zakon: primirenje prava i religii [Faith and Order: the Reconciliation of Law and Religion]. Moscow, 1999. 431 p. (In Russ.).
4. *Golovkin R. B.* Pravovoe i moral'noe regulirovanie chastnoy zhizni v sovremennoy Rossii: dis. ... d-ra jurid. nauk [Legal and Moral Regulation of Private Life in Modern Russia: Dr. jurid. sci. diss.]. Nizhny Novgorod, 2005. 516 p. (In Russ.).
5. *Kant I.* Sochineniya [Works: in 6 vols.]. Moscow, 1965. Vol. 4. 544 p. (In Russ.).
6. *Klochkov V. V.* Religiya i pravo [Religion and Law]. Moscow, 1978. 287 p. (In Russ.).
7. *Kovshov E. M.* Ponimanie prav cheloveka v liberal'noy i religioznoy ideologii [Understanding Human Rights in Liberal and Religious Ideology]. *Filosofiya tsennostei: religiya, pravo, moral' v sovremennoy Rossii: Materialy IV mezhdunarodnoy konferentsii (10–11 aprelya 2008 g.)* [Proceedings of IV International Conference: Philosophy of Values: Religion, Law, Morality in Modern Russia (April 10–11, 2008)]. Kurgan, 2009. Pp. 80–90. (In Russ.).
8. *Kulapov V. L., Mednaya Yu. V.* Podnormativnoe pravovoe regulirovanie [Norm-Based Legal Regulation]. Saratov, 2009. 200 p. (In Russ.).
9. *Kirill. Patriarch of Moscow and All Russia.* Svoboda i otvetstvennost': v poiskakh garmonii. Prava cheloveka i dostoinstvo lichnosti [Freedom and Responsibility: in a Search for Harmony. Human Rights and Personal Dignity]. Moscow, 2008. 240 p. (In Russ.).
10. *Marx K., Engels F.* Sochineniya [Works: in 50 vols.]. Moscow, 1961. Vol. 20. 858 p. (In Russ.).
11. *Marchenko N. M., Leyst O. E. et al.* Obshchaya teoriya gosudarstva i prava. Akademicheskii kurs lektsiy; pod red. M. N. Marchenko [General Theory of State and Law. Academic Course;

- ed. by M. N. Marchenko]. Moscow, 1998. Vol. 2. 640 p. (In Russ.).
12. Matuzov N. I., Mal'ko A. V. *Teoriya gosudarstva i prava: Uchebnik* [Theory of State and Law: Textbook]. Moscow, 2009. 510 p. (In Russ.).
  13. Matuzov N. I. *Pravo kak mera svobody i otvetstvennosti lichnosti: Mezhvuz. sb. nauch. st.* [Law as a Measure of a Person's Freedom and Responsibility: Interuniversity Collection of Scientific Papers]. *Atrium. Ser. «Yurisprudentsiya»* – *Atrium. Ser. "Jurisprudence"*. 1999. Issue 1. Pp. 20–26. (In Russ.).
  14. Milosh N. *Pravila Svyatykh Apostolov i Svyatykh Otsov s tolkovaniyami* [The Rules of the Holy Apostles and Holy Fathers with Interpretations]. Moscow, 1998. 210 p. (In Russ.).
  15. Nersesyants V. S. *Obshchaya teoriya prava i gosudarstva* [General Theory of Law and State]. Moscow, 2010. 560 p. (In Russ.).
  16. Nizhechek V. I. *Sovetskoe pravo v sisteme normativnogo regulirovaniya sotsial'nykh obshchestvennykh otnosheniy* [Soviet Law in the System of Normative Regulation of Social Public Relations]. Irkutsk, 1973. 455 p. (In Russ.).
  17. Ozhegov S. I. *Slovar' russkogo yazyka; pod red. N. Yu. Shvedovoy* [Dictionary of the Russian Language; ed. by N. Yu. Shvedova]. Moscow, 1985. 917 p. (In Russ.).
  18. Pavlov A. *Kurs tserkovnogo prava* [The Course on Church Law]. The Holy Trinity-St. Sergius Lavra, 1902. 539 p. (In Russ.).
  19. Ponomareva V. P. *Pravo i religiya v sisteme normativnogo regulirovaniya* [Law and Religion in the System of Normative Regulation]. *Pravo: istoriya, teoriya, praktika: sb. st. i materialov* [Law: History, Theory, Practice: Collection of articles and proceedings]. Bryansk, 2007. Pp. 30–38. (In Russ.).
  20. Putilkin P. A. *Sootnoshenie pravovogo i religiozno-pravoslavnogo regulirovaniya obshchestvennykh otnosheniy: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk* [Correlation of Legal and Religious Orthodox Regulation of Public Relations: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Kazan, 2013. 24 p. (In Russ.).
  21. Salutskiy A. *Za optimizm!* [For Optimism!]. *Parlamentskaya gazeta* – Parliamentary Newspaper. 2003. 10 January. (In Russ.).
  22. Syrykh V. M. *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. Moscow, 2012. 704 p. (In Russ.).
  23. Ter-Akopov A. A. *Khristianskie nachala i ikh razvitie v rossiyskom prave* [Christian Principles and Their Development in Russian Law]. *Rossiyskaya yustitsiya* – Russian Justitia. 2001. Issue 7. Pp. 64–69. (In Russ.).
  24. Tsybulevskaya O. I. *Nravstvennyye osnovaniya sovremennogo rossiyskogo prava; pod red. N. I. Matuzova* [Moral Bases of Modern Russian Law; ed. by N. I. Matuzov]. Saratov, 2004. 409 p. (In Russ.).
  25. Chernykh E. V. *O normativnom kharaktere yuridicheskoy otvetstvennosti* [On the Normative Character of Legal Responsibility]. *Voprosy teorii gosudarstva i prava* – Questions of Theory of State and Law. Saratov, 1998. Issue 1(10). Pp. 80–82. (In Russ.).
  26. Chernykh P. Ya. *Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka: v 2 t.* [Historical and Etymological Dictionary of the Modern Russian Language: in 2 vols.]. Moscow, 1999. Vol. 2. 624 p. (In Russ.).
  27. Shaburov A. S. *Politicheskie i pravovye aspekty sotsial'noy otvetstvennosti lichnosti: dis. ... d-ra jurid. nauk* [Political and Legal Aspects of Social Responsibility of a Person: Dr. jurid. sci. diss.]. Ekaterinburg, 1992. 402 p. (In Russ.).
  28. Shishmanov I. A. *Tsennosti i antitsenosti seksual'noy svobody s ugolovno-pravovoy tochki zreniya* [Values and Anti-Values of Sexual Freedom in Terms of Criminal Law]. *Filosofiya tsennostey: religiya, pravo, moral' v sovremennoy Rossii. Materialy IV mezhdunarodnoy konferentsii (10–11 aprelya 2008 g.)* [Philosophy of Values: Religion, Law, Morality in Modern Russia. Proceedings of IV International Conference (April 10–11, 2008)]. Kurgan, 2009. Pp. 141–149. (In Russ.).
  29. Jung C. G. *Arkhetip i simvol* [Archetype and Symbol]. Moscow, 1992. 208 p. (In Russ.).
  30. Beckford J. *Social Theory and Religion*. Cambridge, 2003. 370 p. (In Eng.).
  31. Bottoni R., Cristofori R. *Religious Rules, State Law, and Normative Pluralism – A Comparative Overview*. Berlin, 2016. 420 p. (In Eng.).
  32. Calabresi G. *The New Economics Analysis of Law: Scholarship, Sophistry, or Self-indulgence? Proceedings of the British Academy*. 1982. Vol. 68. Pp. 82–89. (In Eng.).
  33. Chambliss W., Zatz M. *Making Law: The State, the Law, and Structural Contradictions*. Bloomington, 1993. 464 p. (In Eng.).
  34. Cohen Ch. L., Numbers R. L. *Gods in America: Religious Pluralism in the United States*. New York, 2013. 420 p. (In Eng.).
  35. Dahn U., Gruel Zur K. *Gestaltung der Rechte gegen Rechtsverletzungen. Zur Gestaltung der Rechte und Pflichten rechtlichen Verantwortlichkeit im Kampf gegen Rechtsverletzungen. Staat und Recht*. 1972. Issue 2. Pp. 206–216. (In Germ.).
  36. Dorff M. B. *Why welfare depends on fairness: A reply to Kaplow and Shavell*. *Southern*

- California Law Review*. 2002. Vol. 75. Pp. 847–900. (In Eng.).
37. *Durkheim E.* Sociologist of modernity; ed. by Mustafa Emirbayer. Oxford, 2003. 306 p. (In Eng.).
  38. *Geertz C.* The Religion of Java. Chicago, 1960. 421 p. (In Eng.).
  39. *Gerrad M. B.* What are Public-Private Partnerships, and How Do They Differ from Privatizations? *Finance & Development*. 2001. Vol. 38. Issue 3. Available at: <http://www.imf.org/external/pubind.htm> (accessed 10.10.2017). (In Eng.).
  40. *Grunawalt R. K.* Conflicts of law and morality. New York, 1989. 338 p. (In Eng.).
  41. *Hanegraaff W. J.* Defining Religion in spite of History. The Pragmatics of Defining Religion: Contexts, Concepts, and Contests; ed. by Jan G. Platvoet, Arie L. Molendiji. Leiden, Boston, Koln: Brill, 1999. Pp. 337–378. (In Eng.).
  42. *Hayek F. A.* Law, Legislation and Liberty; A New Statement of the Liberal Principles and Political Economy. Vol. 2: The Mirage of Social Justice. London & New York, 2012. 656 p. (In Eng.).
  43. *Hesselink M. W.* The General Principles of Civil Law: Their Nature, Roles and Legitimacy. Centre for the Study of European Contract Law Working Paper Series No. 2011-14. Available at: <http://ssrn.com/abstract=1932146> (accessed 10.10.2017). (In Eng.).
  44. *Hick E.* Evil and God of Love. London, 1975. 389 p. (In Eng.).
  45. *Jonas H.* Technik, Medizin und Ethik: zur Praxis des Prinzip Verantwortung. Frankfurt a. M., 1987. 324 p. (In Germ.).
  46. *Jonas H.* Das Prinzip Verantwortung. Versuch einer Ethik für die technologische Zivilisation. Frankfurt a. M., 1984. 432 p. (In Germ.).
  47. *Kaplow L., Shavell S.* Fairness versus Welfare. *Harvard Law Review*. 2001. Vol. 114. Pp. 990–991. (In Eng.).
  48. *Klein N.* Shock Therapy: The Rise of Disaster Capitalism. New York, 2007. 656 p. (In Eng.).
  49. *Lipinsky D. A.* Social Bases of Positive Responsibility. *Sententia. European Journal of Humanities and Social Sciences*. 2015. Issue 3. Pp. 41–49. (In Eng.).
  50. *Lombardo S.* Regulatory competition in company law in the European Community. Prerequisites and limits. Frankfurt a. M., 2002. 236 p. (In Eng.).
  51. *MacIntyre A.* After Virtue: A Study in Moral Theory. Indiana, 1981. 308 p. (In Eng.).
  52. *Nozick R.* Anarchy, State and Utopia. New York, 1974. 430 p. (In Eng.).
  53. *Nussbaum M. C.* Human functioning and social justice: in defense of Aristotelian essentialism. *Political Theory*. 2000. Vol. 20. Issue 2. Pp. 232–233. (In Eng.).
  54. *Posner A. Richard.* Utilitarianism, Economics and Legal Theory. *Journal of Legal Studies*. 1979. Vol. 8. Pp. 103–140. (In Eng.).
  55. *Richardson J. T.* The Social Construction of Legal Pluralism. *Democracy and Security*. 2011. Vol. 7. Issue 4. Pp. 390–405. (In Eng.).
  56. *Ricoeur P.* Political and social essays; ed. by Stewart D. & Bien J. Athens, Ohio, 1974. 239 p. (In Eng.).
  57. *Schmutzer R.* Probleme der Verantwortung aus arbeitsrechtlicher Sicht. *Staat und Recht*. 1973. Issue 3. Pp. 29–35. (In Germ.).
  58. *Schneider W.* Zum Verhältnis von Haftung und Verantwortlichkeit. *Staat und Recht*. 1972. Issue 10–11. Pp. 37–45. (In Germ.).
  59. *Spaak T.* Legal positivism, law's normativity, and the normative force of legal justification. *Ratio Juris*. December, 2003. Vol. 16. Issue 4. Pp. 469–485. (In Eng.).
  60. *Stiller G.* Rechtliche Sanktionen Probleme ihrer Ausgestaltung und Anwendung. *Neue Justiz*. 1975. Issue 8. Pp. 219–237. (In Germ.).
  61. *Weber M.* Politik als Beruf. Berlin, 1993. 661 p. (In Germ.).
  62. *Weiler W.* Zur Kategorie Verantwortung. *Deutsche Zeitschrift Philosophie*. 1965. Issue 8. Pp. 993–998. (In Germ.).